

Гальяна Веденская

О рыцарях и лжецах

роман

*Возвращает к счастливой жизни быстрее,
чем сеанс психотерапевта*

Позитивная проза

Татьяна Веденская
О рыцарях и лжецах

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веденская Т.

О рыцарях и лжецах / Т. Веденская — «Автор»,
2018 — (Позитивная проза)

ISBN 978-5-04-092432-5

В любом браке бывают сложные моменты. Но не такие, когда ты лежишь пластом на холодном асфальте, уткнувшись носом в жесткое покрытие МКАД, а оперативники держат тебя под прицелом. Я не собиралась никуда бежать, меня больше интересовал вопрос, как я дошла до жизни такой. Да, я не была идеальной женой, я не была хозяйкой на кухне и проституткой в постели, и – да – иногда я пилила мужа из-за денег. Но я любила его, прощала его. Почему же он сбежал с места задержания? Отчего машину обыскивают? Зачем Сергей оставил меня в этой ужасной ситуации?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092432-5

© Веденская Т., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава первая. Неудобное положение	6
Глава вторая. Под колпаком у Мюллера	14
Глава третья. Двое из ларца	21
Глава четвертая. Свинская эктомия	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Веденская

О рыцарях и лжецах

© Саенко Т., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Нижеизложенное описание жизни, метаний и тревожений Лизаветы Ромашиной (по мужу Тушаковой) является вымыслом, допущением, шуткой, бредом и параллельной реальностью автора. Любые совпадения являются мистикой, имеют скрытый смысл и двойное дно.

Нет недостижимых целей, но есть лень, усталость и еще один кусочек пирога...

Лизавета Ромашина.

«Из мотиваторов»

Боль заставляет лгать даже невинных.

Публий

На пути к себе тоже можно наткнуться на кирпич...

Глава первая. Неудобное положение

В любом браке бывают сложные моменты. Но не такие, когда ты лежишь пластом на холодном асфальте, уткнувшись носом в жесткое покрытие МКАД, а оперативники держат тебя под прицелом, чтобы ты даже не подумала сбежать. Я не собиралась никуда бежать, меня больше интересовал вопрос, как я дошла до жизни такой. Да, я не была идеальной женой, я не была хозяйкой на кухне и проституткой в постели, и – да – иногда я пилила мужа из-за денег. Но я любила его, прощала его, закрывала глаза и делала несколько глубоких вдохов, чтобы снизить стресс и изменить свою позицию с негативной на позитивную. Иногда не получалось. Просто когда у нас родился второй ребенок, наша дочь Василиса, хлеба насущного стало ощутимо не хватать, и работы над собой тоже стало не хватать, чтобы снизить чертов стресс. Так что – да, пилила, каюсь. Но неужели все происходящее – такой ответ мироздания? Большое жирное «нет», выведенное грязью по талому снегу на обочине дороги.

Нужно жить здесь и сейчас. Не упускайте момент настоящего. Ага.

И вот я лежу – здесь и сейчас, – чуть слева от меня грязные колеса автомобиля, из которого меня вытащили насильно, хотя я была вполне согласна выйти из него по доброй воле. «Здесь и сейчас» у меня болит губа, я ударилась о край двери. «Здесь и сейчас» я всерьез опасаюсь, что заболею воспалением легких, а ведь я ж мать, у меня же двое маленьких детей. Но я боюсь, мне не объяснить это все «людям в черном», что держат меня под прицелом. Тридцать первое декабря, мать его. Капот машины дымится. Удар о разделительные ограждения МКАД был приличный.

«Вы хотите об этом поговорить?»

– Поднимай ее, – сказал кто-то негромко, обыденно, словно я была чем-то вроде куля с картошкой. До меня не сразу дошло, что речь идет обо мне. Дошло, когда еще один оперативник приподнял меня за плечи вверх, именно как куль с картошкой. В каком-то смысле я им и была. Я не могла шевелиться, не могла ничего сказать, хотя и очень хотела. Все это было каким-то недоразумением, ерундой, розыгрышем, который пошел «не туда». Сердце стучало неритмично и быстро, никак не справляясь с нужным темпом.

– Вы знаете, куда он побежал? – спросил меня другой «брат-близнец» в черной форме и бронежилете поверх нее. Все они в этих черных шапках-шлемах, из-под которых были видны только глаза и носы, были неразличимы, как клоны. Я молча хлопала ресницами, словно не понимала по-русски, и тогда оперативник повторил вопрос. Я не знала, куда побежал мой муж. Я вообще не знала, что происходит. Я только знала, что, если что-то не изменится к лучшему прямо сейчас, я начну плакать, и тогда, помощи, Господь, этим оперативникам, меня будет не остановить.

Все, что имеет начало, имеет и конец, Нео.

Мы с Майей жили в одном подъезде в одинаковых двухкомнатных квартирах – я на пятнадцатом этаже, а она на тринадцатом. Майя считала, что судьба и в этом с ней обошлась сурово: поселила на тринадцатом этаже. В каком-то смысле Майя была похожа на мою сестру Фаину – та тоже вечно говорила, что «все очень плохо». И с ними обеими это было не больше, чем просто слова. На деле – все у моей сестры не хорошо, а очень хорошо. Работает ведущим программистом в крупной корпорации, живет с женщиной, похожим на Фокса Малдера из

«Секретных материалов», играет по вечерам в бадминтон. У Майи тоже есть и неплохая работа в школе – по крайней мере, у учителей английского языка по отношению ко всем остальным учителям положение привилегированное, и каникулы все лето, и друзья у нее, и любимый кот Ланнистер, с которым уже пять лет они живут душа в душу. Вдобавок весь последний год Майя строит любовь. Так что насчет «все очень плохо» – это явно ко мне.

Да, строить любовь непросто, и не только в искусственной лживой телевизионной среде, где это как бы делают в прямом эфире. Майя по десять раз на неделе прибегает ко мне с рассказами и маленькими трагедиями. Но маленькие трагедии – это же так нормально, когда строишь любовь! Я свою любовь «построила», и вышел у меня куций домик с текущей крышей, но зато теперь нас с Майей объединяют географическая близость, общие интересы и взаимовыгодное сотрудничество. Мы выживаем как можем. Я сижу с Ланнистером, когда к Майе приезжает ее «мужчина всей жизни», ее «soulmate»¹ – тот терпеть не может котов в целом и Ланнистера в особенности. Майя же сидит с моими детьми, если мне нужно куда-то срочно отбежать или просто принять на дому клиента. Клиенты – вот странные люди – терпеть не могут проводить психологические сеансы под вопли моих детей. Схема работает безотказно, мы с Майей отлично ладим. Остается только надеяться, что она простит меня за то, что я оставила ее с моими детьми на Новый год. Простит, позвонит моей маме и передаст их ей. Мама не подведет.

Впрочем, не то чтобы у меня был какой-то выбор. Сейчас вся моя жизнь для людей вокруг была как вещественное доказательство чьей-то вины, и я искренне надеялась, что не моей. Я находилась в безликой обшарпанной комнате, заваленной бумагами и рухлядью вместо мебели. Мой следователь сидел, погруженный в бумажки, и делал вид, что меня не существует. С каждой минутой мне становилось все страшнее.

- Имя, фамилия, отчество, – наконец прервал тишину следователь.
- Елизавета Тушакова Павловна. Послушайте, у меня там дочь...
- Возраст, дата рождения? – спросил он, и я с ужасом уставилась на него, хлопая глазами.
- Что, забыли собственный возраст? – усмехнулся он, пока я продолжала молча загибать пальцы.
- Двадцать шесть лет. Восемнадцатого февраля.
- Семейное положение?
- Как видите, замужем.
- Не вижу. У вас даже кольца нет, – сквозь зубы бросил мне следователь.
- Ну... это просто потому, что оно мне жмет. Оно дома лежит, в коробке.
- С драгоценностями, – хмыкнул тот.
- Да! – зачем-то согласилась я. В коробке других драгоценностей, кроме моего обручального кольца, не было, но мне почему-то стало обидно. Впрочем, следователя мое обручальное кольцо мало интересовало, он просто заполнял протокол. На меня никогда еще не заполняли протоколов.
- Значит, замужем?
- Да, замужем. И мать. Кормящая мать, – ответила я, и следователь бросил записывать и посмотрел на меня если не с улыбкой, то хотя бы с удивлением. Я слабо улыбнулась и тут же пожалела об этом, уголок губы саднил, кровь только-только перестала течь, но каждый раз, когда я резко открывала рот, начинала течь снова. Губу я разбила знатно. С момента моего задержания прошло уже часа три, из которых два как минимум я тупо просидела на заднем сиденье полицейской машины, за решеткой, гадая, зачем это оперативники раскурочивают «Рено Логан», на котором нас с мужем, как выразились сотрудники полиции, «приняли».

¹ Soulmate (англ.) – родственная душа, идеальный уникальный партнер, вторая половинка.

Меня – приняли! Все это – какая-то ошибка, опечатка, плохой перевод. Ну не может же даже Сережа быть настолько тупым, чтобы вляпаться в такое дерьмо, ради которого его приезжает «принимать» спецназ!

– Род занятий? – продолжил заполнять анкету мой следователь.

– Психолог, – ответила я и тут же «поймала» от него еще один удивленный взгляд.

– Место работы?

– Психологический центр «Надежда», – ответила я, подумывая обидеться. К психологам многие относятся как-то свысока, словно это и не профессия вовсе. Словно психологами люди становятся только от скуки и неуверенности в себе. Это, конечно, миф и ерунда, хотя отчасти это так и было. Очень многие люди шли в психологию, чтобы решить собственные проблемы, но это же не значит, что все психологи – с проблемами. С другой стороны, у меня проблемы были налицо.

На лице.

– Принимаете клиентов? Работаете полный день?

– Нет, сейчас в декрете, выхожу только к старым клиентам, – с готовностью ответила я. – Или они ко мне приезжают.

– Сколько клиентов в день вы принимаете?

– Очень по-разному. Иногда ни одного. Иногда по три-четыре, – на самом деле, по три-четыре – довольно редко, но мне не хотелось, чтобы этот чертов следователь думал, что я не востребована как профессионал. Я очень даже востребована. Я сама не рвусь работать больше, у меня ж дети...

– Имеются списки клиентов?

– Списки? Зачем вам списки?

– Просто рутинный вопрос, отвечайте!

Я замолчала, испытывая вдруг необъяснимое желание взять паузу и подумать, так сказать, осмыслить происходящее. До меня начало доходить, что вопрос о моих клиентах может быть, как говорится, с двойным дном. Зачем-то же нас с Сережей задержали! Не просто же так на нас выслали бригаду в шапках с прорезями для глаз. Наверняка такие бравые парни обходятся недешево нашему государству. Но на нас не стали экономить. Почему?

– Повторите, пожалуйста, вопрос, – попросила я, и следователь нахмурился.

– Какой возраст клиентов, чем занимаются? – спросил он. Я лихорадочно соображала. Машина. Их интересовал Сережа, но еще больше – машина. Эта непонятно откуда взявшаяся потрепанная машинка с прокуренным салоном. Самая очевидная версия – что мой муж перевозил в машине что-то незаконное. Наркотики? Оружие? Черный нал? Кто знает, что за «версии» в голове у этого уверенного в себе молодого следователя. Может, он считает, что я через психологический центр торгую пушками и взрывчаткой. Сережа, как говорится, добывает, а я – передаю страждущим. Мы со следователем одновременно, не сговариваясь, отвернулись, избегая сталкиваться взглядом. Затем он откашлялся и продолжил.

– Вы знаете, за что вас задержали? – спросил сухо.

– Я знаю, что в машине нашли что-то, верно? Я не имею к этому никакого отношения.

– Да, конечно, – фыркнул следователь. – Никакого отношения.

– Простите, как вас зовут? – спросила я, наверное, в пятый раз. Слишком много лиц сегодня прошло мимо меня, слишком много людей задавало мне одни и те же вопросы, и моя память отказалась запоминать их имена.

– Максим Андреевич, – любезно повторил следователь, продолжая что-то черкать в листе. Бог его знает, чего он там пишет.

– Максим Андреевич, Сережа... Мой муж Сергей приехал сегодня утром из командировки.

– Он уезжал по работе? Где он работает?

– Он... нет, он нигде не работает.

– Вы же сказали, что работает.

– Да, сказала, – расстроенно согласилась я.

– Соврали? Бывает, – ответил следователь с эдакой показной доброжелательностью.

– Да ничего я не соврала. Это мы просто так называем... Просто чтобы как-то называть его отлучки, – мой ответ обескуражил следователя. Объяснить такое было непросто. Мой муж – это всегда непросто. Он уезжал куда-то, иногда со словами «достало меня уже это все», а я говорила себе слово «командировка» и спокойно шла пить чай.

– Он часто уезжает? – тут же поставил новый капкан следователь.

– Не так чтобы часто.

– Как часто? Раз в месяц, два? Три?

– Наверное, раз в месяц. Я не помню точно.

– Значит, не помните? – хмыкнул следователь.

– Почему вы мне не верите? – спросила я с агрессией, чувствуя, что запуталась. – Он живет с нами, но как бы сам по себе. Он был таким всегда. То работал, то не работал. Уезжал, но всегда возвращался. И вот сегодня тоже. Приехал на машине – с самого утра, да еще такой гордый, сказал, что нашел работу.

– Сказал, какую?

– Не сказал, – покачала головой я.

– А вы не стали спрашивать, – холодно хмыкнул следователь.

– Не стала. Не важно это мне, понимаете? Когда у тебя двое детей, ты не задаешь вопросов. Ты просто хочешь знать, будут ли у них сапоги зимние. И потом, никогда в жизни Сережа не делал ничего такого, за что мне пришлось бы краснеть.

– Серьезно? – удивился следователь. Я тряхнула головой.

– Никогда не сделал ничего нелегального, – поправила я. – Я имею в виду его работу. Вернее, как – работу... Он всегда только подрабатывал, а не строил какую-то там карьеру. Карьера – это не его. Сережа – он ни с кем долго не может работать, ему то один начальник идиотом покажется, то другой – рвачом. В общем, он то уволится, то устроится. Он не очень в этом хорош, а тут вдруг – машина, и он работает. Да еще он предложил мне помочь с покупками к Новому году. Чтобы я не тащила сумки в руках, понимаете?

– Я все понимаю, Елизавета Павловна. Я все отлично понимаю, – кивнул следователь, не отрывая взгляда от бумаг. Я поймала себя на острейшем желании схватить большой дырокол со стола и звездануть ему по башке. Он не верит ни единому моему слову. Правда, если я его тресну, вряд ли это повысит кредит доверия. Я закрыла глаза и заставила себя медленно вдохнуть и еще медленнее выдохнуть. Если верить моей сестре Фаине, эта техника помогает понизить уровень стресса, обогатить кровь кислородом, замедлить сердечный ритм. Простыми словами – успокоиться. Мне не помогло.

– Максим Алексеевич, я понятия не имела...

– Максим Андреевич, – поправил он меня.

– Да-да. Максим Андреевич, я не знала, что за дела у моего мужа были в Краснодаре, но я вас уверяю, что он по доброй воле ничего нелегального делать бы не стал. Он же не идиот, в самом деле. Его подставили. Использовали вслепую.

– Вслепую, значит? – переспросил следователь таким тоном, что было понятно – мои романтические теории его откровенно веселят. Мол, и вы туда же. Невинные все кругом, блин.

– И вообще, у нас презумпция, не так ли?

– У нас – да, – кивнул следователь, поставив особый акцент на слове «нас», показывая, для кого именно тут, в кабинете, будет презумпция. Для них, для следователей, для полиции. – Давайте начистоту. Под пластиковыми накладками в дверях автомобиля, на котором вы передвигались, были обнаружены упаковки, предположительно с героином. Экспертиза установит все точно. Однако я думаю, не стиральный же порошок «Дося» вы перевозили под накладками, верно?

– Героина?! – уставилась на него я, испытав вдруг острейшее желание встать и выпрыгнуть из окна, спастись бегством или просто заорать.

– Да, Елизавета Павловна, с героином вас взяли. Понимаете, что мы с вами шутить шутки не можем. Все очень серьезно. И я готов вам пойти навстречу, если и вы ко мне навстречу пойдете.

– Я уже...

– Уже... что? – опешил он.

– Я уже на ней. На встрече с вами.

– Что? – переспросил он, а я только махнула рукой. – Так, Елизавета Павловна, вы говорите – вслепую использовали. Ну, допустим – только допустим, ваш муж купил машину с наркотиками, и наркоторговцы, бесстрашные люди, дали ему просто так уехать с целым состоянием в дверях его «Рено». Допустим?

– Допустим, – кивнула я. – Только ему машину купить не на что.

– И даже это мы не станем принимать в расчет. Нашел деньги. Занял. Договорился. А его подставили – бедного невиновного Сергея Ивановича Тушакова, тридцати трех лет. А убежал-то ваш муж зачем? Если он даже не знал, как вы говорите, что у него в машине. Ну, что же вы молчите?

– Я не молчу, – ответила я, ошарашенно глядя прямо перед собой – в никуда. – Я просто не знаю, почему он сбежал. Может быть, от шока...

– Значит, нервы расшалились, так? – перефразировал следователь. Я закрыла глаза и снова досчитала до пяти. Я попыталась посмотреть на ситуацию следовательскими глазами, и мне совсем не понравилось то, что я увидела. Холодным, но не морозным, а мерзким мокрым утром тридцать первого декабря в серебристом «Рено Логан» с краснодарскими номерами задерживают мужчину и женщину. Задерживают с проблемами. На требования государственного инспектора остановиться Сережа вдруг разнервничался и, вместо того чтобы остановиться, почему-то пронесся мимо, идиот чертов, оставив полицейского с его жезлом позади. Взыли мигалки, Сережа ускорился. Я заорала, он тоже заорал, так мы и орали все то время, что я участвовала в «погоне». Вот уж точно, опыт, без которого я бы обошлась. Машин на дорогах было немного, москвичи уже уехали из города на праздники, так что скорость Сережа развил очень приличную. Я сидела рядом с ним, кричала от страха, оборачивалась, закрывала глаза руками, не понимала, что происходит, но со стороны – из машины полицейских – этого было не видно. Со стороны все выглядело просто: мужчина и женщина на серебристом «Рено Логан» пытаются скрыться, уйти от погони.

– Я ничего не знала, – пробормотала я неуверенным тоном. – Он перепугался.

– Чего?

– Я не знаю, чего.

– Может быть, того, что попался? – предположил следователь.

– Я не знаю, не знаю, – как попугай, повторяла я.

– Разберемся, – ответил Максим Андреевич уверенным, даже угрожающим тоном. То, что Сережа решил погоняться наперегонки с полицейскими, было нехорошо. Ведь это означало только одно: Сереже было что скрывать. Он ждал неприятностей, он их боялся. Кричал на меня в машине, чтобы я заткнулась, кричал, что это все из-за меня, черт его знает почему. Что «будь они прокляты, мои дурацкие салаты». А ведь я даже не хотела их готовить. Если бы

Сережа не вернулся из своей так называемой командировки в Краснодар, я бы пошла отмечать Новый год к моей сестре Фаине. Я бы сидела за ее столом, болтала бы с ее бойфрендом Игорем Вячеславовичем Апрелем, к слову говоря, по профессии тоже психологом. Так что тем для разговоров у нас много. Мы бы пошли запускать ракету, мы бы пили шампанское, и Фаина ругала бы меня, потому что я как бы кормящая мать, а Игорь бы Вячеславович говорил, что от одного бокала все равно ничего не будет. Мы с детьми почти уже уехали к сестре, когда Сережа мне позвонил. Подумать только, если бы я уехала и забыла дома телефон, ничего бы этого не было.

Но Сережа вернулся. Он всегда возвращается.

– Значит, вы говорите, этой машины у вашего мужа не было, что это не его машина.

– Я говорю, что не знаю, откуда у него машина.

– Но вас не удивило само наличие машины? Вы же как-то сели в нее.

– А почему бы мне в нее не сесть? В конце концов, хоть я не знала, откуда машина, но не допускала даже мысли, что с ней что-то не так.

– Вы на ней пытались скрыться от полиции. Почему вы не допускали такой мысли? – добавил Максим Андреевич. Я невольно подалась вперед. Больше всего на свете сейчас я хотела бы отмотать пленку времени назад, чтобы я не села в машину.

Сережа сделал это ради тебя. Он пошел на преступление, чтобы обеспечить семью.

– Да потому что никогда в жизни никто ни разу, ни даже в теории, не приезжал ко мне на машинах, полных наркотиков или чего-то еще. Я ни о чем таком не подумала. Я просто не хотела тащить тяжелые сумки, понимаете? Я устала. Я не знаю, как до вас достучаться. И мне нужно в туалет.

– Достучаться? – хмыкнул следователь. – Значит, вы утверждаете, что ничего не знали о героине.

– Я утверждаю, да. Я уже десять раз это утверждала. Я просто ехала в магазин за продуктами, когда мой муж вдруг решил скрыться от полиции. Он подвергнул мою жизнь риску, он не справился с управлением и врезался в ограду между полосами, он сбежал куда-то, а меня выволокли из машины, несмотря на полное отсутствие с моей стороны какого бы то ни было сопротивления, и заковали в наручники. И губу разбили. И на ледяном асфальте продержали. А я никогда даже дорогу на красный свет не перехожу.

– Похвально.

– Ну, может быть, иногда и случалось, – тут же сдала назад я. И занервничала еще больше. – Но ведь все иногда перебегают дорогу на красный, если она совсем пустая. Но это же не значит, что я автоматически знаю, что делает мой муж и что за чертовщина творится у него в голове.

– И вы просто сели к нему в автомобиль, чтобы поехать за продуктами?

– Если у вас есть какие-то возражения и вы считаете, что я как-то неверно изложила обстоятельства, пересмотрите оперативную съемку, которую у вас вели на месте какие-то люди. Они там все снимали. Они видели, что я не пыталась сбежать. Со мной вели себя так, словно я уже сбежала, но факт в том, что я ведь даже не шелохнулась. Я перепугалась настолько, что не знала, как пошевелить рукой. Я говорить не могла.

– Я не утверждаю, что вы пытались сбежать. В этом вас никто не обвиняет.

– А в чем меня обвиняют? – спросила я, представив себе суд, тюрьму, детей, оставленных на попечение моей сестры Фаи. Господи!

– Пока ни в чем.

– Пока! – ахнула я. – А почему у меня спрашивали, была ли я раньше судима? Имейте в виду, я тут ни при чем! Ни в чем!

– Я буду иметь в виду. – Максим Андреевич спокойно отреагировал на мою тираду. Рутинка. Я была его рутинкой, и по его лицу было хорошо понятно, «как же он от этого всего устал». Он не был в настроении проявлять сочувствие, ему было все равно, сколько у меня детей и какова моя жизненная ситуация. Сережа доставил проблемы его коллегам. Им пришлось гоняться за его серебристым «Логаном» по всей скользкой грязной МКАД, им пришлось рисковать жизнями, чтобы задержать этого наркоторговца – моего мужа, и теперь никто не собирался верить мне на слово. Тот факт, что все это случилось тридцать первого декабря, только подливал масла в огонь. Все хотели домой, никому не улыбалось заниматься нашим делом. Вечерело.

– Вы ведь совсем мне не верите, да? – полюбопытствовала я. В ответ мне была только тишина. – Я бы хотела позвонить сестре. Мне нужно к дочери. Я же вам сказала...

– Нет, – коротко отбрил меня Максим Андреевич.

– Нет? – вытаращилась на него я, и снова меня охватило желание схватиться за дырокол.

– Нет.

– А закон? Разве я не имею право на этот самый звонок?

– Не имеете, – отрезал он. Я несколько секунд разевала рот (разбитая губа саднила), не веря своим ушам.

– Я потом ведь на вас жаловаться буду. Я именно на вас пожалуюсь, Максим Андреевич. На вас лично. Вы мои конституционные права нарушаете.

– Вот что удивительно, как быстро все тут, в этом кабинете, вспоминают про Конституцию, – не сдержался следователь. – Как героин перевозить – никакая Конституция не нужна.

– Я ничего не перевозила, – отчеканила я.

– Не перевозили, да? – в сотый раз переспросил он. Затем вздохнул. – Елизавета Павловна, вам отказано в праве на звонок, так как ваш муж Сергей Иванович Тушаков пока что не задержан, находится в беге, пытается скрыться от следствия, и любой контакт с людьми из вашего окружения может нанести вред оперативным мероприятиям. Как только мы завершим оперативные мероприятия, ваше право будет реализовано.

– И сколько времени потребуется на эти ваши розыскные мероприятия? У меня дочь на грудном вскармливании! – воскликнула я уже больше в отчаянии. – Она у соседки, она, наверное, в бешенстве.

– Дочь?

– Да соседка! Вы хоть ей позвоните!

– Разберемся. Уверяю вас, что с детьми все будет нормально, – пожал плечами следователь и крикнул, чтобы за мной пришли. Я понятия не имею, что именно он имел в виду. Наверняка ничего конкретного. Затем повернулся ко мне, закрыв папочку с уже вполне увесистым моим делом. – Елизавета Павловна, дело не в том, что я вам не верю. Дело в том, что вы были задержаны в машине, полной героина. Я просто не имею права верить вам на слово. Надеюсь на ваше понимание. Ладно, пока все. Потом еще поговорим. Нам спешить некуда.

Я уже устала плакать и бояться. Я очень устала, так что просто встала, отдаваясь на волю этому сумасшествию, в немом бессилии что-либо изменить. Мне нужно было сцедить грудь. Вся ситуация – театр абсурда. За мной пришли, попросили встать, повернуться к стене, завести руки за спину. Меня снова заковали в наручники. Моя одежда все еще была мокрой и грязной. Во рту оставался отчетливый привкус крови. Сережа сбежал. Он уходил от погони, а теперь сбежал. Это может означать только одно – он знал о том, какой сюрприз мы везем под пластиковыми накладками с внутренней стороны двери. Он знал – и все же приехал и позвал меня, чтобы похвастаться машиной, чтобы показать, как я была не права в отношении его.

Как я ошибалась в отношении Сережи!

Он не просто врун и бездельник, он не просто... не просто – все, о чем меня предупреждала сестра. Сережа не побоялся посадить в машину, буквально обшитую героином, свою жену, мать своих детей, чтобы ей не пришлось таскать тяжелые пакеты с зеленым горошком, колбасой и майонезом. Можно ли быть более беспечным сукиным сыном? Новый год надвигался на меня, как пресс, со всей своей неотвратимостью. Меня вели в «обезьянник».

Глава вторая. Под колпаком у Мюллера

Невозможно предугадать, что именно ты услышишь от человека, сидящего напротив тебя. Но можно предположить, что сказанное им будет ложью. Меня с детства учили говорить только правду, и с самого детства я замечала это постоянное тихое и неприметное, ненавязчивое искажение действительности. «Вы отлично выглядите...», «Ты обязательно справишься...», «Он наверняка просто задержался на работе...». Если у человека нет причин врать тебе, он будет лгать самому себе. Почему? Каждый человек, занимая потрепанный, но очень удобный диванчик в моем кабинете, хочет быть немножко другим. Почти никто никогда не хочет быть самим собой. Включая меня.

Но лавка «обезьянника» – другое дело. Идеальное приспособление для психотерапевта.

– Лизавета, ты полная дура, поздравляю! С Новым годом тебя, – сказал мне мой «сокамерник» Вениамин. Потрепанный пьяненький мужчина лет пятидесяти. Взятый за кражу мобильного, он был как никто близок к истине. Я и была полной дурой. Двенадцать часов ночи наступило, если верить круглым кварцевым часам на противоположной стене в полицейском участке. Мы сидели в небольшой клетке, расположенной в тупике коридора, – две лавки, решетки, ни одного окна. Тут было тихо и тепло. Кислород сюда поступал, только когда кто-то случайно открывал двери, чтобы пройти на другой этаж, так что мы были сонными и вялыми. Лавки были жесткими. Вениамин ворочался на соседней, пытаясь устроиться поудобнее, что было решительно невозможно. В конце концов Вениамин раздраженно крикнул, приподнялся и подпер подбородок кулаком. – Хоть бы подушку дали!

– И тебя тоже, Веня, с Новым годом!

– Значит, куранты пробили. Интересно, чего там нам президенты пожелали? Счастья/здоровья?

– Куранты пробили, а я – ни в одном глазу, – вздохнула я. – Как же я хочу напиться вдрызг, не представляешь даже.

– Пьяная мать – горе семьи, – поучительно изрек мой сосед.

– Согласна. Но и трезвый муж-наркодилер в семье – это тоже, знаешь, не к удаче и процветанию. Как выясняется...

– Но ты же сама за него замуж шла, никто не тянул, – пожал плечами он. За долгие часы ожидания погоды у моря я успела рассказать Вениамину всю свою жизнь. В какой-то момент я резко заткнулась, разглядывая Вениамина через прищур. Он недовольно поежился и спросил, что со мной. Я ничего не ответила. Не спрашивать же у человека: «А не засланный ли ты казачок?» Так он и ответит. Может быть, он сидит тут, слушает меня, но на самом деле «прослушивает» меня «по диагонали», просто выясняя в интересах следствия, что мне на самом деле известно про моего сбежавшего от правосудия мужа. Если так – что ж, – мне жаль его самого и его пустой траты времени. О Сережиной преступной деятельности я не знала ровным счетом ничего. Наверное, у Вени уже завяли уши. Он бы давно уснул, если бы на двух наших лавках имелись подушки. Но покой нам только снится. Хотя – даже не снится.

– Тушакова? На выход! – Голос дежурного звучал отстраненно, но с ощутимой усталостью.

– Как – на выход? – возмутился Вениамин. – А я? А мне тут сколько торчать?

– А ты посиди еще, – отбрил его дежурный. – Спешись в КПЗ?

– Какая такая КПЗ? Ничего себе, произвол! Невинного человека держат, а наркодилеров выпускают! Где ж это видано? Докатились. Взятки берете! Кругом коррупция! – Вениамин

кричал грозно, но мне задорно подмигнул и усмехнулся. Я знала, до невинного ему было, как от нашей Профсоюзной до Аляски. Теоретически – добраться можно, но кому в голову придет...

– Утихни, Веня, – ответил ему дежурный, впрочем, без злобы.

– А меня куда? – спросила я, несколько настороженная непонятным словом КПЗ. Ничего хорошего я от жизни не ждала. Дежурный не удостоил меня ответом. За окнами уже светлело – новый год начинал сереть, проступая в мире, как снимок на старой доброй фотобумаге. В комнате с мебелью-рухлядью меня ждал заспанный следователь. Я хотела домой, к детям, мне было необходимо знать, что с ними все в порядке. Я не могла понять, как мне добиться от этого чурбана бесчувственного хоть какой-то информации. Я приготовилась к долгому изматывающему противостоянию. Всю ночь, сидя в одной камере с Вениамином, я продумывала возможные вопросы и возможные ответы. «Где спрятаны наркотики?» – «В аптеке». – «Где партизаны?» – «А вот его шляпа!»

Кого я хочу насмешить, я понятия не имела, что мне делать! Я вполне уже было решилась снова реветь и умолять, как вдруг услышала:

– Вы свободны.

– Что? – переспросила я, не веря своим ушам.

– Елизавета Павловна, вы свободны... пока, – кивнул следователь сухо, без тени улыбки.

– Под залог? Если что, у меня денег-то мало. Мы с детьми сами еле-еле концы с концами сводим. Муж мне вообще-то почти никогда денег не давал. Если бы я знала, что он зарабатывает продажей героина, я бы и те у него не брала. Мне-то он другое говорил. То одно, то другое. То торговым представителем, то по ремонту – типа муж на час.

– Торговым представителем кого? – из чистого любопытства спросил Максим Андреевич или Алексеевич, черт упомнит его отчество. И вытаращился на меня, словно пытаюсь понять, совсем ли я идиотка. Потом покачал головой и склонился к бумагам. – Вы освобождаетесь из-под стражи в связи с тем, что следствие не предъявляет вам никаких обвинений. Вы проходите по делу как свидетель.

– Свидетель?

– Да. Свидетель, – подтвердил он. – И хотя в отношении свидетелей не применяется мера пресечения, то есть я не буду с вас брать подписку о невыезде, вы и сама должны понимать, что если вы попытаетесь скрыться от следствия...

– ...с двумя детьми на руках... – за него договорила я. Максим Андреевич замолчал, затем начал заново:

– Прошу вас не покидать город без уведомления. Это в ваших же интересах. И не распространять никакую информацию. Также, если ваш муж вдруг попытается вступить с вами в контакт, незамедлительно связаться со мной. Я оставляю вам телефон. И еще...

– Свидетель чего? – заинтересовалась я вдруг. – Нет, я просто хочу понять, свидетелем чего именно я стала? Того, как меня выбрасывают из машины на землю? Это да. Что меня держат под прицелом? Не дают позвонить домой, разлучают с детьми? Всю новогоднюю ночь держат в клетке, словно я какой-то пингвинчик из зоопарка?

– Елизавета Павловна, я вас понимаю. У вас чувства.

– Да, Максим Андреевич, у меня чувства. У меня грудь от молока болит, – я махнула рукой, а следователь посмотрел на меня с опасливым изумлением, словно пытаюсь понять, что общего может быть между мной и коровой, дающей молоко. Сережа, ну как же ты меня довел до жизни такой! Конечно, все могут ошибаться, но чтобы так!

– Но вы хотели, чтобы я проявил к вам сочувствие, чтобы я вам поверил, и я пошел вам навстречу...

– Про сочувствие я не говорила, – сказала я неожиданно и с твердостью, которой сама от себя не ожидала. – Только про то, что вы мне не верите. Потому что сочувствие – это для тех, кто в чем-то виноват. А я ни в чем не виновата, кроме разве что в том, что плохо разбираюсь в мужчинах и катастрофически ошибаюсь относительно того, на что они способны.

– Ох, Елизавета Павловна, если бы вы только знали, сколько проблем возникает у людей только потому, что они плохо разбираются в мужчинах или в женщинах, если уж на то пошло, – и следовательно устало потер ладонями лицо.

Мне стало стыдно. В конце концов, чего я от него-то хочу? Мой муж, Сергей Тушаков, тридцати трех лет, телосложения атлетического, волосы светлые, коротко стриженные, глаза серые, предположительно был одет в синие джинсы, бордовый свитер, китайский пуховичок темно-зеленого цвета, на ногах чуть поношенные «саламандры», не вооружен, не привлекался, ранее не судим, – сбежал от полиции, оставив ударившую в грязь лицом жену и несколько килограммов героина. Ориентировка прилагается. Мужчина моей жизни. Моя утлая лодка любви.

– Вы его не поймали?

– Пока нет, – покачал головой следователь. – Быстрый он у вас.

– Он всегда заботился о своем здоровье, – зачем-то уточнила я. – Бегал по утрам. Какое-то время даже занимался сыроедением и нас с Вовкой пытался привлечь. Вы не представляете, какая это тоска – сыроедение. Только в теории все красиво, а на деле – замучаешься жевать все эти орехи и сельдерей. И все равно будешь голодным. Так что, я могу идти? И меня не пристрелят при выходе?

– Ну уж вы перегибаете, – оскорбился следователь.

– У меня, знаете ли, до сих пор все болит. Даже запястья – от этих ваших наручников. Не представляю даже, чего эти извращенцы находят во всех этих игрушках. Ладно – больно и унижительно, это еще куда ни шло. Но ведь дико неудобно двигаться с этими штуками, когда руки за спиной. Как какая-то корова, ни повернуться, ни обернуться, ни присесть, и баланс держать неудобно.

– Может, они тренируются? – пробормотал Максим Батькович после долгой паузы.

– Кто тренируется? – переспросила я.

– Ну... эти... извращенцы, – пояснил следователь, и мы оба хором замолчали, а затем засмеялись.

Через десять минут я вдыхала холодный влажный воздух улицы. Через двадцать минут я выходила, точнее, выбегала, как сумасшедшая при пожаре, из полицейской машины около собственного подъезда. Я открыла дверь в подъезд своими ключами – это было единственное, что мне вернули. Сумку, деньги, кошелек, даже телефон – все забрали на экспертизу, выискивать следы наркотиков или чего-нибудь еще. Как сказал Вениамин, «от свидетеля до обвиняемого всего один лист экспертного заключения». Я знала, ничего не кончилось, я понимала это. Все только начиналось, но мне было наплевать. Все, чего я хотела сейчас, – это обнять детей. Никогда не оценишь свободу лучше, чем когда ты ее временно потеряла. Я позвонила в дверь Майи на тринадцатом этаже, но там никто не отвечал. Я в три шага преодолела четыре лестничных пролета и подлетела к моей собственной двери на пятнадцатом этаже. Но не успела я ее открыть, как она распахнулась мне навстречу. В проеме стояла моя Майка – полная решимости уничтожить меня на корню.

– Ты издеваешься, да? – набросилась на меня с кулаками Майя. Это было даже забавно. Такая крошечная пчелка, нежная, как альпийский шоколад, и вдруг с кулаками. Но ведь ее можно понять! Остаться на весь Новый год с двумя соседскими детьми, когда младшей девочке Васе всего три месяца! Да такого в страшном сне не увидишь!

– Все живы? Все целы? Почему тихо? Почему никто не орет благим матом? – спросила я, влетая в свой дом, как смерч. Тишина никогда не была хорошим знаком. Василиса – девочка спокойная, если рядом мама и еда имеется в достаточном количестве. Ни того, ни другого у Майи в наличии не имелось. Как ястреб, я влетела в кухню – никого. Как коршун, я понеслась в Вовкину спальню, откуда мне навстречу вышла тяжелая артиллерия. Моя сестра Фаина с моей дочерью на руках. Я выдохнула. Все живы. Фая здесь – это плохо. Она должна была улететь в солнечный Таиланд сразу после Нового года. Не то чтобы Файка любила юга, пляжи и всю эту солнечную негу. Программисты – как и вампиры – лучше всего выживают в набитых консервами подвалах. Они живут в Интернетах. Они питаются терабайтами информации. Но Игорь ее Вячеславович Апрель настаивал на некотором человеческом отдыхе. Неужели из-за меня человеческий отдых отменился?

– Вот и ты! – говорит она.

– Вот и я. А у тебя когда самолет? Опаздываешь?

– Да только ночью. Ни черта я не опаздываю, – грустно отвечает она и смотрит вниз. За Фаину ногу цепляется мой четырехлетний сын Вовка, а за спиной у нее – Игорь, ее идеальный и наркотиками не торгующий Апрель. Оба они одаривают меня взглядами с плаката «Родина-мать зовет».

– Господи, Лиза, что случилось? Что у тебя с лицом? И с пальто? Ты где вообще была? – Сестра отдала Василису Игорю и подлетела ко мне, заметив мою ссадину на лице и грязь на одежде.

Представляю себе, чего только все они тут не передумали, когда я вот так исчезла. Я вдруг вспомнила, что именно сказала соседке, когда уходила. Я попросила ее приглядеть за детьми «на полчасика, пока я в магазин сгоняю». Черт, я же ей даже не сказала, что я сгоняю туда вместе с внезапно объявившимся Сережей. Если уж на то пошло, Майя уверена, что Сережа болтается неизвестно где, а я злюсь и мечтаю его бросить к чертовой матери. Ибо такое мое традиционное состояние. Значит, никто не знает, что я уехала с Сережей. И рассказать я им не могу – тайна следствия. И не хочу, я не хочу ничего говорить про то, что случилось. Стыд. Стыд-то какой. Получается, что Фая была права – всегда, с самого начала была права – в отношении моего Сережи... Нет уж.

И что мне теперь сказать им?

– Хорошо ль погуляла на Новый год? – спросила меня моя мама, которая, как оказалось, тоже была здесь – в ванной комнате.

– Да, Лиза! Хорошо ль погуляла? – фыркнула Майя, наваливаясь на меня с другой стороны. – Васенька вот не спала, все ждала тебя. Звала. Громко так звала, на весь дом. Соседи даже приходили, интересовались, чего это мы твою дочку пытаем. Грозили полицию вызвать и социальные службы всякие.

– Вызвали? – перепугалась я. Только социальных служб мне и не хватало.

– Нет, к сожалению. Передумали. Мы уже сами были не против! – отчеканила Майя.

– Весело у вас тут, – тихо сказала я.

– Весело? – прорычала Майя.

Я решила не продолжать этот разговор, с деловым видом изъясла свою дочь из сильных рук Игоря Апреля и сделала вид, что так и надо.

– Может, скажешь нам что-нибудь? Дашь хоть какое-то объяснение? – строго спросила мама.

Я прокручивала в голове все возможные варианты объяснений, и все они мне не нравились.

– Я была занята.

– Занята?! – хором загалдели все, и только я стояла недвижимая, как памятник. Я решила молчать. Я решила – не стану я ни о чем таком рассказывать. У меня и подписка есть о

неразглашении. Не знает никто о том, что Сережа приезжал, и не надо. Да, я могла бы рассказать об интересах следствия и о том, каково это – лежать на холодном асфальте под прицелом. Я знала, что молчать глупо, что все равно все вскроется – рано или поздно. С моим везением видеозапись нашего с Сережей задержания выложат в Интернете или покажут в ближайшей передаче «Чрезвычайное происшествие».

– Кое-что случилось, да, но я не могу вам ничего рассказать. Я не имею права. Это не моя тайна, – сказала я так, словно речь шла не об аресте, а о секретной операции спецслужб, в которой я принимала участие. Нет, которую я возглавляла.

– Тайна? – возмутилась мама. – Немедленно выкладывай.

– Я же сказала, это невозможно. Слово «тайна» как раз это и означает.

– Что случилось? Не молчи, Лиза! Ты меня пугаешь! – воскликнула мама.

– Ничего не случилось. Ничего.

– Но ведь это не так, – вмешалась Майя. – Ты не можешь утверждать, что ничего не случилось, после того как ты отсутствовала целую ночь. Ты просто не можешь ничего нам не сказать. Так не делают.

– Тише, тише, – примирительно зашипела мама. – Васю разбудите.

– И что? И разбудим, – кивнула Майя. – Она всю ночь не спала. Мы имеем право знать, из-за чего ты мне испортила Новый год. Разве нет?

– Разве да? – устало пробормотала я. – Майя, мама, простите.

– Я в порядке, можешь не извиняться передо мной, – устало произнесла мама.

– Да? – удивилась я. – Хорошо. В принципе... ну да, это же твои внуки.

– Я с ними не сидела, – невозмутимо покачала головой мама. – Благодарю Майю.

– Не сидела?

– Нет.

– А почему? – заинтересовалась я.

– А почему, как ты думаешь, я должна менять все свои планы в последнюю минуту, когда никто меня не предупреждал? Я приехала, как только смогла, – заверила меня мама таким тоном, что добавлять мне лично ничего не захотелось. Кроме разве что одного.

– А какие у тебя были планы?

– Так где ты была? Расскажешь или нет? – перевела разговор мама, оставив вопрос о ее планах открытым.

Я кивнула.

– Вы имеете право знать, но я не имею права рассказывать. Майка, поверь, я бы и рада тебе все рассказать, но в данный момент я ужасно устала, мне нужно помыться, переодеться, покормить дочь. Поверь мне, если бы это было в моей власти, я бы не пропала на целую ночь. Ты же понимаешь, что если бы я могла...

– Главное, что все живы-здоровы, – вмешался вдруг Игорь, Файкин Апрель. Его спокойный приятный голос всегда действовал на людей успокаивающе. Игорь посмотрел на меня. – Я уверен, Лиза бы все объяснила, если бы могла. И рано или поздно все разрешится, но пока важно знать только одно – что такого больше не повторится. Ведь не повторится, да, Лиза?

– Нет, – подтвердила я. Конечно же, теперь я десять раз подумаю, прежде чем сесть в машину к Сереже. И – да – рано или поздно все разрешится, и все узнают, в чем дело, а пока – пока я с видом утомленного, но исполнившего свой долг перед Родиной бойца невидимого фронта ушла в душ. Там я прислонилась лбом к двери и несколько минут стояла, просто вдыхая и выдыхая. Затем я сняла грязную одежду и потеряла запястья – яркие полосы от наручников напоминали мне о том, что произошло. Дыши, Лиза, дыши. Фаина говорит, что медленно и глубоко дышать полезно. Что в этом случае префронтальная зона коры головного мозга насыщается кислородом, а это такая доля, которая отвечает за принятие нами разумных решений, за то, чтобы оставаться спокойными и адекватными в ситуациях, когда хочется кри-

чать и убегать. Я вдыхала, выдыхала, слушая, как льется вода, но ощущение порядка и покоя не пришло. Напротив, я с пугающей ясностью увидела, насколько абсурдна и ненормальна наша ситуация. Сережа в бегах. За моей квартирой, вполне возможно, следят. Мои телефоны, скорее всего, прослушивают. Мои близкие даже не знают, что их сейчас будут «отрабатывать» на предмет возможных потенциальных связей с наркокартелем. А я – «хорошая» дочь, «прекрасная» подруга и «еще лучшая» сестра, – вместо того чтобы хоть как-то предупредить своих близких о надвигающейся лавине, наврала им с три короба. Зачем? Защищая Сережу? В миллионный раз защищая Сережу, в отношении которого, надо признать, Файка была столько раз права?

Иногда мне кажется, именно поэтому моя сестра меня так бесит. Потому что она часто права.

Стоя в ванной, я стерла паровую завесу на зеркале и посмотрела себе в глаза. Нужно быть честной хотя бы с самой собой. Я сделала это, защищая себя. Я включила воду и принялась мыть руки с неторопливостью и тщательностью хирурга, собирающегося на операцию.

– Я расскажу вам, что случилось, – сказала я, выходя из ванной комнаты. За моей спиной клубился горячий пар. Моя префронтальная зона коры работала, как часы. Я точно знала, что делаю, я понимала последствия, я видела все четко и ясно, как в погожий летний день. Я решилась. Правда – лучшее лекарство. Мне нечего стыдиться, я ни в чем не виновата. За исключением того, что я чувствую себя виноватой.

– Ты уверена? – нахмурился Игорь. – Ты же сказала, что не можешь? Мы не настаиваем...

– Я настаиваю, – вмешалась мама. Нашей маме не прожить и дня, если она не в курсе всего, что происходит с ее дочерьми.

– Я расскажу то, что могу, – кивнула я, собираясь с силами. – Надеюсь на ваше понимание и на то, что не станете меня осуждать. Вчера по дороге в магазин кое-что произошло. Кое-что плохое. На самом деле очень плохое.

– О господи, – выдохнула чувствительная Майка. – На тебя напали?

– Что? – тут пришла моя очередь удивляться ее прозорливости. То, как меня выкинули из машины, вполне напоминало нападение, и я была его жертвой. – С чего ты взяла?

– Ты пришла вся в грязи, да еще и с разбитой губой, – пожала плечами Майя. – Что еще это могло быть?

Я сцепила пальцы на руках, невольно натягивая рукава банного халата так, чтобы скрыть следы от наручников. Я хотела все рассказать, но слова застряли у меня во рту. Меня жгло так, словно бесы растапливали адскую печку прямо у меня в животе. Черт возьми, я просто не хочу слушать очередную проповедь от моей сестры, не хочу читать в ее глазах сакраментальное «я же говорила». Я не могу сейчас еще иметь дело с этим многотонным прессом Фаиной правоты. Она никогда не ленилась говорить, что Сережа – это одни сплошные проблемы. Но жизнь состоит из выборов, которые мы делаем с завязанными глазами и заведенными за спину руками. Нас подталкивают к этим выборам – толкают в спину наши желания, наши гормоны, наши страхи. Нас ведут ложные идеи и несоразмерные ожидания. Вымощенная желтым камнем дорога в ад.

Что еще это могло быть?

– Не нападение, если уж на то пошло, но близко. Я не могу раскрыть подробностей, просто поверьте, событие было очень, очень серьезным. Я оказалась, как бы это сказать, в эпицен-

тре этого события. Я не хотела этого, но так вышло. Я просто оказалась не в том месте не в то время.

– Что?

– Как?

– Вот так, – развела руками я и кивнула, принимая сочувствие, которого не заслуживала. – Я стала свидетелем преступления.

– Случайного преступления?

– Да, – кивнула я, надеясь не покраснеть сильнее, чем это объяснимо для того, кто только что вышел из душа. Врушка.

– Ты не пострадала? – хор вопросов ожидаемо обрушился на меня.

Я закатила глаза и покачала головой с покорностью скромного героя на покое.

– Я почти не пострадала, но мне пришлось – пришлось – поехать и... дать показания. Я не могу, я правда не имею права говорить больше. Я несу ответственность по закону.

– По закону? – ахнула мама. – Это опасно? Тебе не нужен адвокат?

– Не нужен мне адвокат, ты что? – выпалила я. И прикусила губу. Вообще-то адвокат мне не помешал бы. – Но больше я не могу сказать.

– А больше ничего говорить и не надо, – тут же вмешался Игорь. – Сказано достаточно. Верно, Фая?

– Да, да, конечно, – растерянно бормотала моя сестра, обеспокоенно оглядывая меня. Я была противна самой себе. Теперь я была – пострадавшая, теперь я была – свидетель, теперь я была – в центре событий. И никакого тебе «я же говорила, я же предупреждала». Призрак сбежавшего Сережи навис надо мной. Злой и жестокий клоун хохотал у меня за спиной. Глупая, какая же я глупая. Чего я хочу добиться своим враньем? Если мне стыдно за своего мужа, нужно не врать, а подумать о своей жизни, но я не хочу этого делать. Не хочу. Фая несет мне чашку с ароматным чаем и бутерброд с вишневым вареньем. Странно, что это делает она, а не наша вечно заботливая, уютная, как новогодняя елка, мама. На этот раз мама, вместо того чтобы носиться со мной, жалеть меня, кормить меня и помогать мне с моими детьми, тихо, побыстрому слиняла. Странно. Какие у нее, у пожилой женщины, могут быть срочные дела. Она кинула на меня заговорщицкий взгляд, ее глаза горели, выражение лица было как у виноватого нашкодившего школьника. Я даже не успела спросить, куда это она намылилась. Я подумаю обо всем завтра. А сейчас – отдыхать. Пока Сережа не вернулся.

Глава третья. Двое из ларца

Я еще ничего не сделала, а уже чувствовала, что безумно устала. Ожидание конца света утомляет больше, чем сам конец света. Я попыталась сконцентрироваться. Работа. Я работаю. Я зарабатываю на жизнь.

Он сидел напротив меня и требовал – да, именно требовал, гневно, обиженно, – чтобы я сделала так, чтобы его повысили на его работе. А я гадала, что на самом деле привело его ко мне. Люди идут к психологам, потому что хотят сделать свою жизнь лучше. Может быть, даже изменить ее. Выглядеть лучше, производить впечатление, сводить с ума, зарабатывать втрое, вчетверо больше... Чтоб наконец их поняли, оценили. Чтобы в отпуск. Чтоб не бросали носки по всему дому. Чтобы не пили или хотя бы СТОЛЬКО не пили. Все, что угодно, но только чтобы все не оставалось так, как есть. Есть что-то фундаментально неправильное в человеческой природе, что мешает большинству из нас принимать жизнь такой, какая она есть. Какова бы ни была жизнь, человек смотрит мимо нее, смотрит куда-то еще – в будущее, в прошлое, в выдуманные миры. Человек не желает чувствовать то, что чувствует, и хочет чувствовать что-то другое. Стыд, страх, бессилие – демоны, от которых люди бегут сломя ноги.

И это довольно забавно, учитывая, что на самом деле люди панически боятся что-то менять. В основном они приходят ко мне, чтобы жаловаться на других людей.

Евгений Иванович. Среднего роста худощавый мужчина тридцати восьми лет, одинокий, в свитере и джинсах, курит, практически не пьет, много работает на какой-то сложной инженерной работе. Некрасив, но по-своему привлекателен. С возрастом, возможно, стал даже привлекательнее, чем был в ранней молодости, ибо явно никогда не обладал той щенячьей красотой, что с годами сгорает, заставляя старых знакомых восклицать: «Надо же, а ведь был так хорош!» Евгений Иванович хотел, чтобы мы звали друг друга по имени и отчеству, отчего дистанция между нами только удлинилась. Доверие со стороны клиента для психотерапевта – обязательное условие, однако Евгений Иванович никому не желает доверять.

И тем не менее он продолжает ходить ко мне домой, сидит на моем диване, пьет мой чай, платит мне деньги. Когда он кидает на меня свой пожароопасный взгляд, мне становится не по себе.

– Вам удобно? Может быть, окно закрыть?

– Нормально, да. Не надо, не закрывайте. А впрочем, как хотите, – сухо отвечает он. – Да, закройте.

– Ну, что нового на работе? – спрашиваю я. Мы всегда, ВСЕГДА говорим о его работе. Иногда мне кажется, что он живет там, на этой работе.

– Пришел какой-то кретин с инспекцией. Чего он хочет узнать? Что у нас все через одно место делается? – спросил он. Я раскрыла рот, но так и не придумала, что ответить, и закрыла его обратно. – Наверняка поставят кого-то своего. Всегда так происходит, разве нет? Вы только оглянитесь по сторонам, на наше правительство посмотрите. Да из них можно семейный фотоальбом делать, они же все друг другу – родня, сваты, друзья детства, седьмая вода на киселе. Развели бардак!

– Э-э-э, а как вообще... самочувствие? Как вы спите? Что вам снится?

– Да мне эта чертова работа только и снится – в гробу, в белых тапочках. Вот вы сказали, что я должен расслабиться. Встретить свой страх, посмотреть ему в глаза. Я думал об этом. Нет у меня никакого страха. И конфликтности никакой нет.

– Никакой, – кивнула я, еле сдерживая улыбку.

– Может быть, мне в трудовую инспекцию написать?

– Знаете что, Евгений Иванович, я хочу попробовать кое-что новое. Про трудовую инспекцию – это вы к юристам идите. А я – другой доктор, как говорится. Давайте-ка мы с вами представим, что вас уже повысили. Расскажите мне, как будет выглядеть ваша жизнь после этого.

– Откуда я знаю! Хорошо будет выглядеть! – бросил он так, словно напал на меня с кинжалом.

– Как именно хорошо? Давайте вы закроете глаза и попробуете представить: вот завтра вы приходите на работу уже начальником отдела.

– Подразделения. У нас на пенсию ушел начальник подразделения. Отдел – это я уже сейчас...

– Да, конечно. Подразделения. Вы – начальник вашего подразделения, вы открываете дверь. Я не шучу, Евгений Иванович, закрывайте глаза. Делайте, что вам говорят! – Я взмахнула рукой и забросила ногу на ногу. Несколько секунд мой клиент таращился на меня, а затем с неохотой закрыл глаза. Безопасность. Закрытые глаза – это нехорошо для мужчины. Надо быть всегда ко всему готовым, нужно быть в курсе, нужно все знать, быть умнее всех, предсказывать все на три шага вперед. Мужчины находятся под постоянным прессом ответственности, отчего они становятся негибкими, как бетонные плиты, из которых строят высотки.

Большинство мужчин, но не мой муж.

– Я чувствую себя идиотом.

– Отлично! – улыбнулась я. – По крайней мере, вы что-то чувствуете. Нет-нет, не открывайте глаза. Лучше расскажите, что там, в вашем прекрасном мире начальника подразделения. Вы счастливы? Вы плывете на лодке по прекрасному океану возможностей?

– Я отвечаю за сложный многофакторный инженерный процесс, какие, к черту, лодки.

– Хорошо. Во что вы одеты? Где вы? У вас свой кабинет? Своя секретарша?

– Гхм, не думал об этом. Мне придется ходить на совещания, носить костюмы. Мне нужно купить костюм. Черт, я ненавижу костюмы.

– Представьте себя в костюме на совещании. Что вы чувствуете? Вы счастливы?

– Счастлив? Да вы даже не представляете, какие у нас идиоты в руководстве, и мне нужно будет с ними все согласовывать, решать вопросы, отчеты писать, рекомендации.

– Значит, несчастны? Вы сидите на совещании, в костюме, с каким-нибудь дорогушим планшетом в руках, с чашкой кофе рядом – и вы несчастны?

– Я не несчастен, при чем здесь это? Я работаю. Работа не должна делать человека счастливым.

– А что делает человека счастливым? – я радостно потирала ручки. Добрались до точки в три прыжка.

– Деньги, – заявил Евгений Иванович, и я ручки потирать прекратила.

– Seriously? – переспросила я, испытав отчетливое желание ударить клиента. – Значит, дело в деньгах?

– Конечно, в деньгах. Люди работают за деньги, разве нет? Вы же тоже сидите тут и слушаете мои разговоры ни о чем из чистой любви к искусству.

– Почему ни о чем? Очень даже интересно, – обиделась я. Евгений Иванович открыл глаза. Мы смотрели друг на друга, как будто играли в гляделки, ожидая, кто кого переглядит.

– Если вам так интересно, может быть, я не буду вам платить?

– Расскажите мне, почему вы вообще сомневаетесь, что вас повысят? Почему вы пришли ко мне? – спросила я, мудро проигнорировав последнюю фразу.

– Ого!

– Да, – кивнула я с вызовом. – Если бы вы боялись конкуренции, если бы у вашего руководства были «свои люди», если бы были какие-то еще обстоятельства, вы бы не пошли ко мне. Вы бы пошли в эту вашу трудовую инспекцию, к юристам или на курсы повышения квалификации. Но вы пришли ко мне – к психологу. Значит, вы сами считаете себя причиной проблем. Вы, конечно, можете и дальше молчать, но ситуация от этого не поменяется. И проблема не решится. Лгать самому себе не очень эффективно. Я хочу вам помочь. Да, за деньги. Помочь. Так в чем ваша проблема, Евгений Иванович?

Он молча смотрел на меня, явно решая, а не встать ли ему и не уйти ли прямо сейчас. Я решила, что, если он так и сделает, я не стану ему мешать. У меня своих проблем хватает. Когда-то я бы кругами бегала, только чтобы разговорить Евгения Ивановича, когда-то я хотела спасти весь мир, сделать всех людей счастливыми, и мне казалось, что у меня есть ответы на все вопросы.

Сережа убедительно доказал обратное. Он показал мне, как глубока кроличья нора, какой непредсказуемой может быть жизнь, какой изнурительной может быть любовь. И как ничто, буквально ничто не поддается контролю, все валится из рук.

Сережа не позвонил, Сережа не написал. Иногда ночью я просыпалась от мысли, что его уже может не быть в живых. Я представляла себе, как его ловят где-то посреди каких-то безликих полей и болот, а память услужливо подставляла сцену из старого фильма с Жегловым и Шараповым.

«Нееет, Левченко, неет! Не стреляяаяать!»

– Моя проблема в том, что меня обычно не очень-то любят люди. А для того чтобы получить это чертово повышение, нужно, чтобы люди меня любили, – сказал Евгений Иванович. – Я хочу измениться. Научиться нравиться людям.

– Всего делов-то, – улыбнулась я. Евгений Иванович замешкался, он явно не ожидал от меня такой реакции. Нравиться людям. Мы все хотим, чтобы нас любили. Даже печенье хочет любви. Значит, и мой клиент – тоже.

– Я так полагаю, нужно научиться как-то по-другому говорить или улыбаться. Может быть, делать комплименты. Шутить.

– Скажите, Евгений Иванович, а вы сами себе нравитесь? – спросила я, снова получив взгляд человека, который столкнулся с указателем, написанным иероглифами.

– В каком смысле? Зачем я должен сам себе нравиться?

– Что вы чувствуете, когда смотрите на себя в зеркало, к примеру?

– В зеркало? Единственный момент, когда я смотрю на себя в зеркало, – это когда я бреюсь, и в этот момент я думаю только о том, чтоб не пропустить какой-то участок. Это такая пытка – бриться каждый день, если честно. Я даже подумывал как-то отрастить бороду, тем более она сейчас в моде, но мне кажется, это будет уж слишком. Эй, вы куда?

Я встала и отошла к шкафу у стены.

– Продолжайте, продолжайте. Я сейчас, – и я открыла дверцы шкафа. Я знала, что делать. Средних размеров зеркало лежало под стопкой свитеров. Я достала его и подала Евгению Ива-

новичу. – Вот, посмотрите, пожалуйста. Сейчас вам не нужно бриться, так что можно просто посмотреть себе в глаза. Что вы чувствуете? Вам нравится то, что вы видите?

– Странная какая-то постановка вопроса, – заворчал он.

По выражению лица я поняла, что увиденное Евгению Ивановичу совсем не нравится. Большая часть людей не нравится самим себе. Подавляющее большинство, если бы им предложили поменяться на какую-то другую личность, другое тело, другой набор человеческих качеств, сделало бы это, не задумываясь. Как я уже говорила, есть что-то фундаментально неправильное в человеческой психологии, но именно это и делает нас людьми.

– Нормальный вопрос, довольно простой. Нравитесь ли вы самому себе? – повторила я.

– А вы? Вы самой себе нравитесь? – неуверенно спросил он. – Потому что людям вы нравитесь, это факт.

– Вы считаете? – удивилась я.

– Есть в вас что-то такое, знаете ли, располагающее к себе. Моя знакомая, которая мне ваш телефон дала, – она мне говорила об этом. Я не знаю, как это объяснить, но я тоже это вижу. Какая-то человеческая мягкость, что ли? Как-то сразу понимаешь, что никто тебя тут не подставит и не осудит. И это забавно, потому что я же не ребенок, я понимаю, что все это – не больше чем иллюзия. Вот это ощущение, что вам искренне есть до меня дело.

– Но мне искренне есть до вас дело, – возмутилась я. – И я не собираюсь вас подставлять.

– Я понимаю, понимаю, – Евгений Иванович с охотой кивнул, словно пытался дать мне понять, что понял мой намек и не будет выходить за рамки предложенной мною игры. Я начала злиться.

– Я хочу, чтобы вы поняли, это так не работает. Никто не «производит впечатления» хорошего человека. Просто кто-то и есть хороший человек.

– Ну, нет, не можете же вы быть настолько наивной. На свете полно людей, которые будут казаться вам ближе родной матери, а потом окажется, что они у вас кошелек увели. Люди этим и отличаются от животных, что отлично умеют врать.

– И любить.

– Любить умеют все. В этом нет большого искусства, это простой инстинкт. Этому не нужно учиться. А вот чтобы хорошо, правильно врать, нужно обладать поистине большим интеллектом.

Любовь – это просто инстинкт. Моя сестра сейчас плясала бы от восторга. Сережа так и не объявился. Моя большая любовь.

Я одинаково сильно боялась как исчезновения Сергея, так и его возвращения. Страх. Стыд. Бессилие. Если Сережа найдет способ связаться со мной, передо мной встанет мучительный выбор – рассказать об этом следователю, исполнить свой гражданский долг, предать собственного мужа и отца моих детей или скрыть это и поставить под угрозу свое будущее и будущее своих детей? Пока Сережи не было, я могла ничего не решать.

– Значит, вы хотите, чтобы я научила вас располагать к себе других людей. Дурить им голову. Пускать пыль в глаза. Производить впечатление хорошего человека, – сухо уточнила я и холодно улыбнулась. В этот момент в дверь позвонили. И начался настоящий кошмар.

– Откройте, полиция! – услышала я через дверь. Кричали громко. Мое сердце от страха застучало еще сильнее. Я вскочила и беспомощно посмотрела на Евгения Ивановича.

– Что? Полиция? – переспросил меня Евгений Иванович, и на его лице появилось специфическое выражение, которого я никогда раньше ни у кого не видела. Он смотрел на меня, будто я болела неприличной венерической болезнью, которая передавалась по воздуху. Смесь безразличия и желания убежать. Время откровенности кончилось. В дверь дубасили и обе-

щали выломать ее к чертовой бабушке. Евгений Иванович раскрывал рот, а затем закрывал его, не находя слов, но по его позе, по тому, как он избегал смотреть мне в глаза, было видно, что сейчас я уже не так ему нравлюсь. И что мои абсурдные мысли о прослушке, вероятно, не такие уж и абсурдные.

Черт, я же жена наркодилера. Я не могу больше принимать клиентов дома. Каждый из них попадет под подозрение, каждый из них из-за меня может оказаться на скамейке свидетелей – это как минимум.

– Почему к вам стучится полиция? Что происходит? – Голос моего клиента стал неприятно визжащим. Дверь долго не выдержала бы натиска, и я бросилась ее открывать, чтобы не остаться без двери совсем. Меня тут же отшвырнули от входа, как котенка. В мой дом влетала черная туча, мне показалось, там было человек сто, но это, как говорится, у страха глаза велики. С десятков человек забежали в мою квартиру, оглядывая все пространство жадными взглядами собаки-ищейки. Они были в обуви, с сумками, чемоданами, с какими-то приборами в руках.

– Что происходит? – спросила я у какого-то мужчины в заляпанном пуховике. Евгений Иванович стоял, как соляной столп, посреди коридора. Он не верил своим глазам. Я тоже. Хотя пребывала уже не в таком шоке, как давеча на МКАД.

– Тушакова? – ко мне обратился какой-то молодой здоровенный лоб – невзрачный свитер, джинсы, во рту какая-то жвачка.

– Я не понимаю. Вы кто?

– Вот постановление на обыск, – лоб «ослепил» меня, помахав какой-то бумажкой перед моим лицом, и повернулся к ожившему Евгению Ивановичу: – Пожалуйста, гражданин, ничего не трогайте руками. Сейчас... Макс, понятие-то где?

– Елизавета Павловна, я могу уйти? – спросил меня он. Мимо нас в детскую комнату прошло трое мужчин. Прямо так, в обуви по ковру со Смешариками. Они переворачивали игрушки, заглядывали под козырек шлема База Лайтера. Я почувствовала острейшее желание тоже куда-нибудь уйти. Хоть бы даже в окно.

– Нет-нет, никто не может уйти, – вмешался лоб. – Гражданин, паспорт предъявите, пожалуйста. Фамилия? Имя? Отчество? Род занятий? – Евгений Иванович побелел. Он тоже явно раздумывал, не прыгнуть ли ему от такого позора. Пятнадцатый этаж, товарищ. Пятнадцатый этаж.

– О господи! Паспорт? Вы что, террористка? Во что вы меня втравили! – тихо, сквозь зубы прошипел он. Я стояла ни жива ни мертва, лихорадочно соображая, что могло привести ко мне следователей в субботнее утро. Неужели Сережа нашелся?

– Я ни во что вас не втравливала. Это все – ошибка. И да, я уверена, что вы можете уйти в любую минуту, – я посмотрела на следователя так выразительно, как только могла. – Вряд ли у вас есть основания задерживать в моем доме человека, который вообще не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к кому-либо еще.

– Как же не имеет, раз он тут, у вас в коридоре, стоит. Елизавета Павловна, только не говорите мне, что это – случайный прохожий, что он тут просто трамвая ждет, – усмехнулся следователь.

– Объясните мне, к чему именно я не имею никакого отношения? – взвизгнул Евгений Иванович. Трое мужчин переворачивали Василисину кровать. Хватали своими ужасными руками пеленки с теми же Смешариками – их нам надарил Фая, она почему-то решила, что Василисе понравится. Моей дочери пока что было все равно, на чем лежать. Впрочем, разве не мы, психологи, говорим на каждом углу, что дети все понимают и все чувствуют еще в утробе

матери. Если бы Фаина могла, она бы, наверное, и плаценту сделала бы со Смешариками, чтобы Василиса росла позитивным ребенком. Теперь я эти пеленки выброшу.

Если, конечно, меня не арестуют опять.

– Максим Андреевич, вы не можете вот так запросто вламываться и пугать моих клиентов.

– Как раз можем, – сухо ответил мне следователь. – И как раз ваши клиенты нас очень даже интересуют.

– Что? – побелела я.

– Вы можете предъявить документы? И дать пояснения относительно причины вашего нахождения тут, в этой квартире? – следователь обращался не ко мне, а к Евгению Ивановичу. Тот как стоял, так и осел на стул в прихожей.

– В качестве кого этот человек должен давать пояснения и к чему? – спросила я, встав между Евгением Ивановичем и следователем. – Предъявите официальные причины. Я сейчас вызову адвоката, до его приезда никто не скажет вам ни слова.

– Мне что, нужен адвокат? – Евгений Иванович скривился так, словно проглотил деготь.

– Макс, просмотреть телефончик? – к следователю подошел здоровенный лоб в свитере. В руках у него был недорогой «Самсунг».

– Это мой! – вскочил Евгений Иванович и попытался отобрать аппарат. Сразу несколько участников обыска тут же ошетинились и бросились на помощь здоровенному лбу.

– Э, нет, нет, вещи трогать нельзя, – вставил кто-то из этой толпы экспертов, что хозяйничали в моей квартире со всей бесцеремонностью налетчиков.

– Но это мой телефон, – возмущенно повторял Евгений Иванович, продолжая сверлить меня колючим взглядом.

Я хотела что-то сказать, но не нашла никакого объяснения. С чего бы я ни начала, там обязательно прозвучали бы слова про «наркокурьера», «сопротивление следствию» и «торговлю героином». Так что я отвернулась и покраснела. Меня жгло изнутри.

Стыд. Бессилие. Ярость.

Я ненавидела себя. Евгения Ивановича допросили. Уже в ходе допроса я поняла, что именно привело следователей в мой дом в субботу утром. Да он-то и привел – Евгений Иванович. Пока ко мне ходили клиентки-женщины, меня не трогали. Евгений Иванович был первым мужчиной, который пересек порог моей квартиры после моего эпохального возлечения на МКАД. Мужчины всегда под подозрением. Одинокiй худощавый мужчина с неровными, резкими движениями, с беспокойным выражением лица – это именно то, что нужно. Именно так и должен выглядеть связной краснодарского наркокартеля.

– А вы правы, не вызываете вы у людей доверия, – пошутила я. Черный юмор, конечно. Так и вся моя ситуация, знаете ли, не отличается белизной.

– Считаете? – язвительно переспросил меня Евгений Иванович, поглядывая на лежащий на кухонном столе протокол. – Значит, мое беспокойство небеспочвенно? И как это лечить? Чтобы меня ваши следователи не допрашивали больше, Елизавета Павловна? – последнее он почти проорал мне в лицо. – Понимаете, такой «тренинг» я не заказывал.

– Да уж, тренинг.

– А телефон мне, как я понимаю, теперь вообще никогда не вернут? – спросил он у кого-то из этой рабочей группы.

– Значит, вы утверждаете, что незнакомы с Сергеем Ивановичем Тушаковым? Никогда его не видели?

– Нет, незнаком и никогда не видел.

– Вы так быстро ответили. И сразу «нет»? Хотя бы фамилию знаете? – ехидствовал следователь, не сводя взгляда с меня. – Ну, подумайте. Тушаков.

– Тушаков. Тушаков. Нет, я не знаю. У меня будут проблемы? А кто этот Сергей Иванович? – уточнил Евгений Иванович.

– Елизавета Павловна, кстати, тоже имеет фамилию Тушакова, – радостно поделился с ним следователь. Евгений Иванович посмотрел на меня взглядом первоклассника, потерявшегося в школе после линейки.

– Это мой муж, – вздохнула я.

– У него ничего нет, – разочарованно бросил эксперт моему следователю после того, как им были осмотрены все частные вещи, включая сумку, куртку и карманы брюк моего клиента. Я хотела провалиться сквозь землю, но земля была далеко, на пятнадцать этажей ниже.

– А контакты?

– Мы потом проверим все, но на первый взгляд никаких признаков сети. Так, разносортица.

– Вы кем работаете? – спросил следователь у моего Евгения Ивановича, и тут мой клиент закипел.

– Я требую прекратить репрессии! – прошептал он. Кажется, он потерял от страха голос. – Вы не имеете права! Я не обязан, – слова застревали у него в горле. – Вы не можете портить... я тут совершенно ни при чем...

– Никто не собирается ничего вам портить. Это рутинный вопрос. Вы отказываетесь отвечать?

– Я отказываюсь, да. То есть нет. Вы можете гарантировать, что не приедете ко мне на работу?

– Я ничего не могу вам гарантировать.

– Нет? – Евгений Иванович смотрел на следователя, как на палача. Кажется, тот тоже это почувствовал. По крайней мере, он сменил тон и заверил Евгения Ивановича, что без экстремальной необходимости к нему на работу не поедут и не позвонят, что это просто формальность, что так положено. Совершенно убитый, мой клиент продиктовал данные. А потом он потерял всю свою агрессию и принялся умолять. Страх пришел на место ярости. А с ним и откровенность, которую я так долго пыталась в нем найти.

– Адрес. Должность, – невозмутимо спрашивал следователь. – Ваш телефон мы заберем для более глубокой проверки. Можете позвонить мне вот по этому номеру, я вам скажу, когда вы сможете его забрать.

– Но я не могу без телефона! Мне по работе могут позвонить. Даже завтра, – и Евгений Иванович посмотрел на меня, как олененок Бэмби, которого вот-вот пустят на котлеты.

– Это не наши проблемы. Мы действуем по закону.

– А конфиденциальность? Вы же обязаны. Да? Мне нельзя сейчас терять работу. Я женщину встретил, с ребенком. Мне нужно... нужно... Может быть, я решу жениться. Чужой ребенок – это же ответственность, понимаете. Не могу я потерять работу. А, кому я все это говорю! – Евгений Иванович всплеснул руками и вдруг посмотрел мне в глаза. Раненый Бэмби. Я невольно прикрыла рот ладонью. Ни разу, ни на секунду я не заподозрила его в том, что он влюблен. Самый черствый, напряженный, готовый броситься в драку, все измеряющий деньгами – он хотел жениться? На женщине с ребенком? Поэтому-то он так хотел повышения, ради своей будущей семьи? Любовь – это всего лишь инстинкт? Поэтому он ходил ко мне?

– Я куплю вам новый телефон, – сказала я. – Я куплю вам его прямо сейчас. Вот выйдем из дома – и в салон. Только не нервничайте.

– Да не надо, – махнул рукой Евгений Иванович. – Чего уж там.

– Нет, надо. Мне надо. Это все... из-за меня же.

– Я все же так понял, что это все – из-за вашего мужа, разве нет? – переспросил Евгений Иванович.

– Нет. То есть да, но это ничего не меняет. Знаете, я правда хочу сделать хотя бы это. Ничего другого я изменить не могу, но это-то в моей власти, – настояла я. Поменяете сим-карту – и все. На работе никто не заметит. Девушка ваша не заметит.

– Ей тридцать два, – зачем-то уточнил Евгений Иванович. – А сыну восемь. Я не уверен, что это все – хорошая идея. Он же никогда меня не будет считать настоящим отцом. Знаете, сколько конфликтов на этой почве бывает? И я ничего не могу поделать, не люблю я его. Не то чтобы я к нему плохо относился, но, знаете, нет мне до него дела. Я могу с ним чай попить, могу в зоопарк сходить. Тут как-то мы с ним идем домой из школы, а он спрашивает меня, будем ли мы с его матерью жениться. Я онемел, не знал, чего ответить. А он и ждать не стал, сказал, что сам бы ни за что жениться не стал. Потому что это ж надо с чужой девочкой жить в одной комнате.

– Мы почти закончили! – крикнул кто-то из комнаты.

– Есть что-то?

– Ни черта, Максим Андреевич.

– Вы шли с ним из школы?

– Я иногда его забираю. Раньше заканчиваю. – Голос у Евгения Ивановича дрожал. – Знаете, говорят, чужих детей растить в сто раз сложнее, чем своих.

– А вы сможете вот так просто взять и от них уйти? Просто потому, что так будет рациональнее? – спросила я. Евгений Иванович сначала хотел что-то ответить, но затем отвернулся и принялся заново раскладывать вещи внутри распотрошенной при обыске сумки. Я знала совершенно точно, что он сейчас чувствует. Что чувствуешь, когда решение уже принято внутри себя и ты пытаешься его осознать, справиться с ним, бороться с ним, просто его пережить. Любовь – это никогда не просто. Напротив, она разрушительна, как ураган Ирма, а когда она уходит, все лежит в руинах, засыпанное песком. И остается только радоваться, что вообще уцелел и выжил. Рациональное мышление – этот роскошный дар природы – не работает, когда речь идет о любви. Просто инстинкт, но какая разница? Мы следуем ему с упорством Жанны д'Арк.

Я следую ему, и вот куда я пришла.

– Максим Андреевич, там понятые уехать просят, – в двери появился невыразительный мужчина в куртке из искусственной кожи. – Им за ребенком в садик надо.

– Пусть ждут, – отрезал следователь. Я вздохнула и покачала головой.

Глава четвертая. Свинская эктомия

– А что, ваш муж не придет? – спросила меня Елена Михайловна доброжелательным тоном вежливого незнакомца на вечеринке. И достала из холодильника приличных размеров кусок свиного окорока. Услышав вопрос, я вздрогнула. Меньше всего я хотела обсуждать дела моего мужа с матерью Игоря. Меньше всего я хотела вообще говорить о Сереже.

– Не сможет, к сожалению, – сказала я максимально естественно. Просто жена, которая переживает, что будет праздновать Крещение без мужа. Кухня была уютно завалена продуктами для будущего пиршества, на подоконнике стояли ровные ряды газировки и немножко бутылок с красным вином. Пахло тмином, уксусом, а больше всего терпким молотым перцем, который щекотал ноздри и заставлял нас время от времени чихать. Коляска, в которой мирно дрыхла Василиса, стояла на балконе, а Вовка в комнате паялся в телевизор. Обычно его невозможно остановить, он носится как угорелый, за исключением случаев, когда я включаю его обожаемые «Тачки» – их он может смотреть по кругу без остановки.

Забавно, что вместе с ним «Тачки» смотрели еще два «дитятка» – Игорь и его отец. Мы же, «девочки», трудились на кухне.

– Он все еще в командировке? Ну нельзя же так много работать! – сказала Елена Михайловна, протирая мясо бумажными полотенцами. Затем она включила воду в кухонном кране и принялась мыть руки. Мы собирались сделать нечто вроде шашлыков, только без угля, в духовке. Шашлыки по-московски – так сказал Игорь Апрель, великолепный парень моей сестры. Кусок был огромным – целая свиная нога с копытцем – и смотрелся неуместно на столешнице стандартной кухни. Фая и Игорь ждали, когда достроится их новостройка в Новых Черемушках, а пока мы с трудом помещались в их съемной, стерильно чистой однокомнатной квартире.

– Да, Лиза, сколько можно работать! – поддела меня Фаина, и я только фыркнула в ответ. С возрастающим изумлением я смотрела на продолжающую мыть руки Елену Михайловну. Она мыла их медленно, методично, палец за пальцем, каждый сантиметр кожи.

– Хирург. Она хирург, – тихо бросила мне Фая. – Не то что Сережа.

– Да ну тебя, – беззлобно отмахнулась я, а Фая рассмеялась. Безработица для моего мужа была состоянием нормы, как говорит Малышева в своей программе «Жить здорово», но сестра никогда не упускала повода напомнить мне о том, как и насколько я не права, что решила жить с Сережей.

Она даже не представляет, насколько моя любовь зла.

– Хорошее мясо, – пробормотала Елена Михайловна и принялась за мясо. Сделала она это весьма необычным способом. Сначала она протерла столешницу каким-то неведомым раствором нечитаемого запаха и вытерла все насухо. Затем она положила огромную разделочную доску строго параллельно краю столешницы, а рядом – так же параллельно – чистенькое полотенчико. Там, на полотенчике, она идеально ровно разложила несколько ножей разного размера, салфетки, а рядом поставила стакан с водой, несколько баночек со специями. Я, как загипнотизированная, смотрела на эту красоту. Столько опыта, столько методичности, я бы даже сказала, мелодии в ее движениях.

– Только с костью, – пожаловалась Фая.

– Ничего, вырежем. А как вы познакомились? – спросила вдруг Елена Михайловна, задумчиво проведя пальцем по ножам, словно пытаясь понять, какой из них подходит для разрезания окорока с точки зрения Дзен.

Плохая это была идея. Очередная ужасная идея нашей мамы – собрать всю нашу шумную, как бы дружную семью за одним столом. Вести разговоры, от которых я больше всего хотела уклониться. Сережа. Он работает, он в командировке. Он, может быть, прямо сейчас удобряет какую-нибудь пасеку. Или где там растет героин. А тут – на ужине – будут все. Мы сами, мои дети, отец и мать Игоря, наша с Файной мама – она тоже обещала приехать, и даже вроде не одна, с подругой. И все они будут задавать вопросы. Я постаралась ничем не выдать свою реакцию и только еще яростнее набросилась на картошку с картофелечисткой.

– Фая, как вы познакомились с Игорем? – перевела стрелки я.

– Нет, Лиза, расскажи нам про свою Большую Любовь! – поддела меня сестра, но Елена Михайловна, эта милейшая женщина с грацией молодого длинношеего жирафа, смотрела на меня чистыми зелеными глазами – теми самыми, «апрельскими» – полными неподдельного интереса.

– Большая любовь? – Елена Михайловна заговорщицки улыбалась. Она выбрала тонкий очень острый нож с изогнутым лезвием и принялась делать точные глубокие надрезы в районе копытца. – Мы со Славой учились вместе. Школа, потом институт. Знаете, у нас такой вот любви не было, мы слишком хорошо друг друга знали, чтобы испытать что-то такое – большое и внезапное. Когда ты с человеком рядом в одних и тех же коридорах учишь анатомию, тут все проявляется, знаете ли, постепенно. – Елена Михайловна рассказывала, а попутно трудилась над окороком.

– И что же? Когда вы поняли, что это судьба? – спросила Фая.

– Судьба? Я тебя умоляю. Мы вообще ничего такого не поняли. К концу института я забеременела, хотели брать академический отпуск, но родители – бабушка Игоря по Славиной линии была категорически против. Мы поженились, бабушка заботилась об Игоре до самого детского садика. Стали жить. Работали много. Игорек болел. Заботы. Какая там судьба!

Елена Михайловна резала мясо быстро, рассекая его в каких-то самых правильных точках, и окорок прямо на глазах распадался на куски совершенно одинакового размера, настолько идеально ровные, словно выполненные на японском заводе по производству роботов. Я смотрела, не отрываясь: ее руки были какими-то... нечеловеческими. Руки высшего существа, инопланетянина, лазерный меч джедая.

– Но когда-то вы поняли все-таки, что это любовь? Не могут же люди просто так забеременеть, если они даже вместе учат анатомию, – влезла Фая, и они обе – моя сестра и мама ее парня – расхохотались. Я знала, что Игорь Апрель пришел в мир как результат любви двух врачей, что их семья – медицинская династия и что он для своих родителей стал чем-то вроде разочарования, сменив хирургию на психиатрию, а затем и вовсе уйдя с головой в психологию и мотивационные тренинги. Игорь был книгой за семью печатями, и даже его родители, мне кажется, не понимали до конца, что он за человек. И на черта ему сдалась эта психиатрия!

– Любовь, конечно, была, но мы как-то не сразу это даже поняли, – пожала плечами Елена Михайловна. – Нет, конечно, мы всегда нравились друг другу. Очень нравились. Но только без безумия, без этих, знаете, катастроф и разбитых сердец.

– Как у Игоря с Анной? – неожиданно жестко спросила Фая. Елена Михайловна даже растерялась на секунду, она явно никак не ожидала услышать этого имени. Призрак прошлого, которому просто не было никакого места за нашим столом.

– Вы знаете про Анну? – Елена Михайловна была озадачена. И, кажется, встревожена. Интересно, почему? В конце концов, речь идет всего-навсего о юношеской влюбленности ее сына. Дела давно минувших дней.

– Я знаю про Анну, да, – просто ответила Фая, продолжая невозмутимо мыть овощи в раковине. – Большая Первая Любовь, верно? Куча трагедий, сплошной Шекспир.

– Вот именно об этом я и говорю. Большая Любовь – она же требует самоотдачи, времени и сил. Ты будешь переживать ее как большое приключение, будешь страдать, не спать по ночам, думать только о ней. Я примерно правильно описываю? В нашем случае нашей Большой Любовью стала сосудистая хирургия. Мы переживали нашу любовь к медицине так же тяжело, как если бы она была жестоким ветреным любовником. Переживали вместе, – Елена Михайловна ловко орудовала своим кухонным скальпелем, и я невольно поймала себя на мысли, что вот так же она вскрывает человеческие тела, чтобы проникнуть в то, что было природой тщательно скрытым.

– Между прочим, это звучит очень романтично. Влюбленные в медицину влюбленные.

– Мы ничего такого не понимали. Но, в целом, да, возможно. Мы были настолько вместе, что просто не представляли, что может быть как-то иначе. Помню, уже после ординатуры мы со Славиком поехали на конференцию по сосудистой хирургии в Париж, и это была та еще поездочка. В общем, неважно. После того как конференция закончилась, мы ехали в Ле Бурже. Приехали и уже там, на месте, поняли, что на самом деле нас привезли в другой аэропорт, который Шарля де Голля. Нет, времени у нас было еще полно, только вот такси уехало, мы одни, французского не знаем. Кое-как сориентировались, нашли какую-то электричку, пока ее ждали, сели в кафе неподалеку – там было полно таких вот кафе для туристов. И вот, сидим мы, пьем кофе, а мимо нас проходит какой-то чернявый такой арапчонок с губной гармошкой. И как только понял, бес его знает, мы же сидели и молча пили кофе. Но он вдруг подошел к нам и как затянул эту песенку дурацкую Серова... как же там... ах да, «я люблю тебя до слез». Такого корявого русского я вообще никогда не слышала. Мы со Славиком смеялись, как сумасшедшие, и все дорогу до Ле Бурже друг друга дразнили, напевали это «я люблю тебя до слез». Вот тогда, мне кажется, я все про нас и поняла. Так, мясо ваше готово, господа. Кто будет мариновать?

– Ничего себе! – воскликнула Фая. Завороженная историей, она пропустила настоящее шоу – то, как профессиональный сосудистый хирург нарезает мясо на шашлыки. Теперь она стояла перед результатом. Идеальные кубики мяса выстроились ровными рядами для дальнейшей обработки.

– Тебе, Фая, никогда нельзя подпускать Елену Михайловну к своему шкафу, – усмехнулась я, продолжая работу. – Ее же инфаркт хватит. Миокарда.

– Это еще почему? – рассмеялась мама Апреля.

– Не по чему! – холодно бросила Фая, выразительно, почти с ненавистью глядя на меня. Да уж, у Елены Михайловны, наверное, вещи лежат в идеальном порядке, сложенные не только футболка к футболке, джинсы к джинсам, но и по цвету, по ткани, по размеру и, бог весть, по какой еще категории.

Повезло Фая со свекровью. Впрочем, никто еще не женился.

– А по-моему, это и есть Большая Любовь, – заявила сестра, сбрасывая все мясо в большой зеленый таз. – То ли дело мы с Игорем. Он со мной, можно сказать, от отчаяния, – весело добавила она, заполучив удивленный взгляд Елены Михайловны.

– Не до такого уж отчаяния он дошел, – хихикнула я.

– А, да ладно. Мы вчера ездили на стройку, наш дом уже практически готов, и вот мы смогли зайти, посмотреть квартиру. Как ты знаешь, ее мы не вместе выбирали, ее Игорь один выбирал, когда еще только думал присматривать себе жену. Возраст, понимаешь, то-се. В общем, пора. Не то чтобы сильно хотелось, но пора... – Фая говорила спокойно, ровно, и

я хорошо знала, что она вовсе не пытается набить себе цену или каким-то образом пожаловаться на судьбу. Фаина жила, занижая ожидания, опуская так называемую планку прямо на пол, закапывая в землю. Она предпочитала считать, что все, что случилось хорошего, случилось скорее по недоразумению и по чьему-то небесному недогляду.

Такое хорошее, как появление Игоря в ее жизни.

– Нет, он просто знал, что встретит тебя и полюбит, – вмешалась мама Игоря. Вопреки всей логике мира, моя сестра Фаина ей нравилась, я это видела. Повезло, повезло. Удивительно, насколько хорошо ее тут приняли, хотя обычно моя сестра не ладит с живыми людьми. Другое дело – машины. Наверное, именно поэтому она и пошла в программисты, там не нужно контактировать лично, там достаточно понимать машинный код.

– Хорошо, я не спорю. Я ему во снах снилась в белом платье, и он поэтому пошел и купил квартиру в Новых Черемушках, в ипотеку. Сон в руку. Не в этом дело. Я же сейчас про Большую Любовь говорю. Так вот, приходим мы на объект – так его тамошний менеджер называл, поднимаемся по бетонным лестницам, пылица, ужас. Я боялась, что грохнусь. Не верится, что скоро там будут люди ходить, стучать по батареям, чтобы музыку делали тише.

– Фая!

– Ладно, ладно, это я так. Лирическое отступление, – кивнула она и примирительно махнула рукой. – Ты чисти картошку-то. В общем, заходим мы в квартиру. Игорь начинает меня водить по бетону и рассказывать, что тут будет. Тут, мол, холл, тут – с намеком так – детская, там ванна с душем и санузлом, второй санузел для гостей. В общем, я поняла, что красиво жить нам с ним никто не запретит. А потом в кухне вижу огромное окно – в три аршина размером – и в пол почти. Ох, как мне понравилось, не представляете. Думаю, поставим тут диван, будем сидеть, кофей пить и смотреть на Новые Черемушки сверху вниз, как короли. А Игорь вдруг, знаете ли, как-то помрачнел, взгляд отвел и головой качает. Говорит – это место для цветов.

– Для каких цветов? – удивилась Елена Михайловна.

А я не удивилась, история с цветами мне была хорошо известна. На работе, в кабинете Игоря, там, где он принимал своих пациентов, был целый домашний цветник. Изначально Игорь привез эту кучу горшков из Владивостока. Ему этот цветник достался, когда его девушка, его Большая Любовь, в которой он души не чаял, бросила его после десяти лет чудесных, безоблачных отношений и уехала к своему жениху в Израиль.

– Для цветов Анны, конечно. Цветы Анны – они важнее всего, им и место у самого лучшего окна, – тихо сказала Фая, в ее голосе звучала горечь.

– Цветы Анны? – ахнула Елена Михайловна. – Он хранит ее цветы?

– А вы не знали? – хмыкнула Фаина, яростно перемешивая мясо со специями. Еще немного усилий, и мы получим котлеты вместо шашлыка. – Вы ведь, наверное, все это сами видели. Ту самую, Большую и Первую, которую еще называют Незабываемой. Я вот, получается, ни для кого не была Большой и Незабываемой.

– А Юрка? – вмешалась я, напомнив Фаине о мужчине, призрак которого витал над ее жизнью пару лет после того, как они разошлись. Не сошлись характерами, кажется, так это называют. Характер у Файки, как у шарика для игры в пинг-понг, – никогда не знаешь, куда ее понесет.

– Так ведь это он был для меня – Большая Любовь. Я-то для него...

– А с чего вы взяли, что это цветы Анны? – Елена Михайловна вернула нас к теме, с которой я только что так лихо прыгнула. Мы с Фаем переглянулись.

– Да уж не сомневайтесь, ее цветы. Не удивлюсь, если завтра она и сама заявится. Иногда мне кажется, что Игорь ее до сих пор немного ждет, – сказала Фая самым невозмутимым тоном, который исчерпывающе говорил, насколько сильно это ее ранит.

– Такого не будет, – заверила ее мать Игоря.

– Почему это не будет? Сейчас у нас такой мир, все возможно. Одно письмо в какой-нибудь инстаграм, и все пошло-поехало, старые чувства вспыхивают, как солома. Мы даже можем быть уже женаты и с детьми, можем планировать покупку дачи в ипотеку, почему нет? И все развалится.

– Ты пессимист, как всегда. Игорь не такой.

– Да? Почему ты так уверена? – хмыкнула Фая. – Откуда ты знаешь, какой он?

– Фая, что на тебя нашло? – спросила я, глядя ей прямо в глаза. – Нельзя жить с кем-то и не доверять ему настолько. Нельзя наказывать человека за то, что он не делал.

– Ты знаешь, ты права. Ты-то понимаешь в этом толк. Ты же психолог. Ты не наказываешь людей даже за то, что было сделано и заслуживает наказания. Мать Тереза ты моя. Где вот опять носит твоего Сережу? Почему от него ни слуху ни духу?

– Фая! – крикнула я и подняла руки, невольно защищаясь от нее. Инстинктивный жест, как у собаки, над которой проводят палкой, – животное все равно сжимается в комок.

– Ладно, прости. Прости, прости, – сестра засуетилась, увидев – как всегда, внезапно, – насколько сильно это меня задело. – Я понимаю, это глупо, ненавидеть цветы, но иногда мне так и хочется взять и затушить в них какой-нибудь горящий бычок. А ведь я даже не курю.

В дверь позвонили. Фая помедлила, задумчиво глядя на меня, а затем тихо вышла из комнаты, пытаясь по дороге привести себя в порядок. Свои чувства. Моя сестра ненавидит чувствовать. Она была такой всегда. Это было оборотной стороной ее непреклонной правдивости и той негибкости, которая отличает людей, которые говорят всем прямо в лицо, что именно они думают и куда им всем следует идти. Это у нее от отца. Поэтому он и любил ее больше всех, поэтому они и были с ним – неразлейвода.

– Я думаю, можно будет подсыпать еще немного перца в шашлык, – пробормотала Елена Михайловна, разглядывая мясо в тазу так, словно это действительно был сложный хирургический пациент. Я спохватилась и повесила на лицо дежурную улыбку. Черт, я вообще забыла про нее.

– Только немного. У нас и так тут все достаточно... остро, не считаете? – и я хихикнула. Елена Михайловна улыбнулась в ответ.

– Кто там приехал? – спросила она, хотя сам вопрос не имел никакого смысла, так как мы обе стояли тут, на кухне. – Может быть, ваша мама?

– Может быть. Я не знаю, честно. Мне кажется, она давно уже должна была быть тут. В последнее время она постоянно путает время, опаздывает, где-то задерживается. Я даже начинаю за нее волноваться, – поделилась я.

Это была неправда. Я должна была бы за нее волноваться, но у меня не хватало ни времени, ни сил волноваться за маму, тем более что у нее было все более-менее в порядке. Да, она чувствовала себя немного одиноко. Она переживала, что Фая уехала, что мы ей довольно редко звоним, что у нас свои дела и свои проблемы. Но ведь это нормально? Так у всех? У мамы были подруги, была поликлиника с ее бесконечными очередями, была йога, в конце концов. И дача, на которую, если уж на то пошло, всегда можно было увезти столь ненавистные Фаине цветы. Проблема была в том, что Игорь действительно этими цветами дорожил. Если бы не это – Фая бы давно их уже пристроила. Не такая уж это проблема – избавиться от пары десятков прекрасных цветов.

– Думаете, он действительно все еще ее помнит? – услышала я вопрос.

Елена Михайловна смотрела на меня так напряженно, словно мы были двумя шпионами в плену и у нас было не больше пары секунд, чтобы обменяться секретной, жизненно важной информацией. А иначе – все пропало. Чего всем так дались эти цветы?

– Да, помнит. Это так и есть.

– И Фая переживает?

– А вы бы не переживали?

– Это было так давно.

– Это ничего не меняет и, боюсь, никогда не поменяет. Что там произошло? Я так поняла, что эта Анна в какой-то момент, как говорится, на ровном месте просто развернулась и бросила Игоря, не поговорив, не дав ни одного ответа, ни времени прийти в себя. После десяти лет она ведь даже не потрудилась расстаться с ним лично, оставила ему эту чертову записку. Кто так делает? Она разбила ему сердце, а моя Файка теперь пытается любить оставленные вашей Анной обломки.

– Она не моя Анна, – нахмурилась «мама-жираф». Ее благородное лицо было грустным, словно она хотела что-то сказать, но не решалась. Это было, в какой-то степени, очень странно, что ей вообще есть дело до того, переживает Фая или нет.

– Это нечестно и несправедливо, особенно по отношению к Файке, но такова жизнь. Большая Любовь уходит, а мы потом встречаемся, любим, строим планы. Сидим и составляем список, что нам купить в «Ашане». И рожаем детей. И пытаемся убедить себя, что ничего, что у тех, кого мы любим, до нас уже была Настоящая Большая Любовь! – воскликнула я.

– Мне кажется, сейчас вы говорите вовсе не о Фаине? – склонила голову Елена Михайловна.

– Что? – вытаращилась я. – Нет. Не знаю. У всех у нас есть свои истории в прошлом, разве нет?

– У меня не было, – словно извиняясь, пробормотала она.

– Серьезно?

– Мы встретились еще в школе. Мы сидели за одной партой.

– О господи, – всплеснула руками я. Мама Апреля с пониманием кивнула. – Что ж, тогда, наверное, вам нас будет трудно понять. И вообще, мы с вами поразительно далеко ушли от пресловутого английского «small talk», не согласны? – я заставила себя сквозь силу улыбнуться. – Хорошая погода, не правда ли?

И мы обе, не сговариваясь, посмотрели в окно. За окном мела метель.

– Этого не будет. Я уверена, – услышала я. Когда я обернулась, Елена Михайловна смотрела на меня так, словно раскрывала мне какую-то невероятно важную тайну. Она даже с опаской поглядывала на дверь, как бы кто не зашел к нам.

– Чего не будет? – не поняла я. Она склонилась над ювелирно нарезанным мясом и принялась раскладывать его по решетке-гриль для духовки.

– Фаине совершенно нечего бояться. Анна никогда сознательно не стала бы причинять кому-то боль.

– И тем не менее... – фыркнула я возмущенно. – Мы имеем то, что имеем, разве нет?

Елена Михайловна замолчала и принялась разглядывать свой маникюр с таким пристальным вниманием, словно там был зашифрованный ответ, нанесенный на подкову блохи. Потом она посмотрела на меня.

– Анна не вернется к нему вдруг, с бухты-барухты.

– Почему? А если завтра эта Анна вдруг решит ему написать? Ну, станет ей скучно в этом ее Израиле? Такое ведь происходит сплошь и рядом, бывшие находят бывших и начинают, как это называется, оживлять былое, – спросила я.

– Просто поверьте. Никогда этого не случится.

– Но почему? – возмутилась я.

– Потому что... потому что она совсем не такой человек, можно так сказать. Если она уходит – то навсегда. Этого не изменить, не исправить.

– Люди меняются с годами.

– Нет. Не она, – сказала Елена Михайловна.

– Даже в том, как вы о ней вспоминаете, я вижу женщину, которую невозможно забыть. Анна обидела вашего сына, она сделала его несчастным, из-за нее он уехал из Владивостока, но вы по-прежнему уверены в ее прекрасных моральных качествах. Можно ли найти лучшее доказательство того, о чем я говорю. Незабываемая бывшая.

Елена Михайловна снова уставилась на ногти. Затем она перевела разговор – да так искусно, что я даже не успела заметить, – и принялась расспрашивать меня о том, была ли я когда раньше во Владивостоке. И убеждать в том, что мне обязательно нужно туда приехать и что там зима, конечно, тоже суровая, зато лето – это рай, и море, и куча морепродуктов, и рыбалка, и вообще, детям там был бы замечательный отдых. Она говорила так быстро, так «монолитно», что вклиниться в это было уже невозможно. Затем она принялась расспрашивать меня о моей работе. Усыпила бдительность.

– Фая говорила, что вы тоже работаете психологом? – тоже – имелось в виду, как и ее сын. В голосе, в интонации – легкий налет разочарования. Еще бы, ее мальчик мог стать хирургом. Елена Михайловна с жалостью посмотрела на грудку картошки, над которой я мучилась, и забрала у меня овощечистку. Все же руки хирургов – это восьмое чудо света. Поразительно точные движения.

– А она не прибавляла к этому приставки «горе»? – рассмеялась я. – Обычно это звучит как «горе-психолог», если это говорит моя сестра.

– Она не любит психологов? – в голосе едва прикрытая радость. Повезло Фая, повезло. Чего не скажешь о самом Игоре. Я-то, как никто, хорошо знаю, что это такое – заниматься делом, которое никто не одобряет и за дело-то даже не считает.

– Скажем так, она психологов в целом сильно недолюбливает, но вашему сыну она выдала амнистию.

– Но не вам, так?

– Мне – нет. Она по-прежнему считает, что лучше бы я оканчивала экономический факультет. И вообще, она уверена, что знает, как мне жить так, чтобы жить правильно.

– А вы?

– А я точно знаю, что если бы мне пришлось работать бухгалтером, я бы повесилась. Экономика – это не мое. Господи, как же это у вас получается – так орудовать картошкой этой дурацкой.

– А, это! – Елена Михайловна махнула рукой. – Ерунда. Все думают, что работа врача – это зазубривать латынь и уметь называть все кости до единой их скучными латинскими названиями. Отчасти это и так, но только хирурги после того, как выучили все косточки и еще кучу всего, идут и учатся работать руками. Мы называли это «кружок кройки и шитья». Нужно натренировать руки, тело, сознание так, чтобы быть уверенным в самом мельчайшем движении, в том, сколько миллиметров ты прошел. Порой приходится работать вслепую, на ощупь, на чистой мышечной памяти. Руки – наш инструмент. А тут – картошка. Я вас умоляю. А ваш муж чем занимается?

Транспортировкой и продажей героина.

– Он работает торговым представителем, – ложь, полная и стопроцентная. Домашняя заготовка как раз для таких случаев. Сережа работал то чернорабочим, то электриком, то менеджером на процентах. Он начинал заново, наверное, миллион раз, но ни разу так нигде и не

закрепился. Двигаясь по карьерной лестнице, он каждый раз спотыкался о какого-нибудь «беспросветного идиота» в начальстве, после чего довольно быстро вылетал и снова начинал все заново. Сережа в каком-то смысле как ребенок. Идеалист, который верит в то, что все должно быть по справедливости, что зарплату должны давать вовремя и в полном объеме, а если он вдруг опоздает на работу на три часа, его обязательно простят. Может быть, в этом и виновата его мать, которая растила его, как любимый оранжерейный цветок. Тьфу, опять цветы.

Мне все равно, кто виноват и как Сережу растили. Да, это заявление звучит инородно в устах психолога, но мне плевать. Мне не нужны объяснения, мне нужно, чтобы никто не искал контрабанду под одеялом со Смешариками, под которым спит моя дочь.

– Вы его любите? Фая говорила, что у вас был непростой период, что вы жалеете мужа.

– Она так сказала? – удивилась я. «Жалею» – это было, наверное, самое точное описание наших с мужем отношений. Я его жалею. Он неплохой человек, и я его жалею. У нас была Большая Любовь. Иногда даже Большая Любовь оборачивается разочарованием, усталостью и болью, но мы все равно держим ее при себе, как сокровище. Только то, что сжигает нас изнутри, остается с нами навсегда.

– Мы все наших мужчин немного жалеем, верно? – легко рассмеялась Елена Михайловна. – Так как вы познакомились?

– Одна моя институтская подруга привела меня на тренинг по телесной медитации.

– Это что ж такое будет? Медитацию-то я знаю, а вот такую ее разновидность, как телесная...

– Это было связано с расслаблением. Концентрация на тех или иных зонах в теле.

– И ваш муж тоже был там?

– Да, – кивнула я.

– Немногие мужчины занимаются такими вещами.

– Немногие, это точно, – согласилась я. – А жаль.

– Возможно, вы правы, Лиза. Нам вот с мужем очень иногда не хватает расслабления. Мы даже ходили к массажисту, чтобы он нам снял напряжение в шее. У Славы даже были головные боли. Эти медитации очень полезны. Между прочим, и ученые тоже подтвердили. Глубокое дыхание укрепляет...

– Префронтальную зону коры головного мозга, – рассмеялась я. – Вы тоже говорили об этом с Файкой?

– На самом деле, с Игорем, – хмыкнула она.

Мы замолчали и вернулись к работе. Я вспомнила, как мы с Сережей долго разговаривали о сущности человеческой, о том, что происходит на тонких уровнях человеческого сознания, когда человеку удается погрузиться в «неведение» и «небытие». Мы говорили и не могли наговориться, пошли вместе к метро, он проводил меня до дома. Потом позвонил – чуть ли не на следующий день. Встретил меня в институте, и мы гуляли по Москве целую ночь. И говорили – о духовном развитии, о бессмысленности экономики как науки – я тогда училась на факультете экономики, о мире, о других мирах, о людях, которым нужна помощь. Мы так много говорили с ним когда-то – обо всем на свете. Пока не начали говорить о деньгах на жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.